

Хроники Проклятого

Автор:

[Ян Валетов](#)

Хроники Проклятого

Ян Валетов

Проклятый #1

Этой рукописи 2000 лет, и в истории человеческой цивилизации для нее нет места.

Те, кто нашел ее, обречены на гибель – по их следам идет отряд безжалостных убийц, созданный еще во времена Римской империи. От воинов Легиона не скрыться ни в ущельях Иудейских гор, ни на улочках Иерусалима – выбрав себе жертву, они никогда промахивались...

Но на этот раз они промахнулись, и тайна Проклятого осталась в руках у троих беглецов.

Могут ли свидетельства тысячелетней давности изменить сегодняшний мир?

Что будет, если черное и белое в человеческой истории поменяются местами?

Разные страны, разные времена, дружба, зависть, смерть, любовь, предательство – в новом романе от Яна Валетова, автора «Ничьей земли».

Ян Валетов

Хроники проклятого

Автор заранее приносит извинения всем тем людям, чьи религиозные чувства он может затронуть, и просит их, не читая, отложить эту книгу в сторону.

Автор излагает свою версию событий и не претендует на обладание истинным знанием.

Автор просто рассказывает историю, и личное дело каждого – верить ему или не верить.

Автор посвящает эту книгу всем своим близким, вне зависимости от их вероисповедания.

Потому, что Бог един, если он есть у тебя в сердце.

Небо – престол Мой, земля – подножие ног Моих – где же вы построите дом для Меня?

Ис. 66:1

Кто управляет прошлым, тот управляет будущим: кто управляет настоящим, управляет прошлым.

Джордж Оруэлл. 1984 (1949)

Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них.

Мф. 18, 20

Пролог

Израиль, наши дни. Иудейская пустыня неподалеку от Мертвого моря

Ночью в пустыне было холодно, и Валентин мерз, словно дело было не в полусотне километров от Красного моря в середине сумасшедшего израильского апреля, а в весенней стылой степи под Азовом.

Арин тоже продрогла и жалась к нему всем телом, жалась неловко, боком, бережно прижимая к груди простреленную вчера ночью руку. Мелкокалиберная пуля лишь царапнула по кости, могло быть куда хуже, но Арин и так пришлось несладко: предплечье девушки болело, и движения причиняли изрядную боль. Дневная жара и пыль, густо покрывшая самодельную повязку к вечеру, стерильности не способствовали. В этом климате даже безобидный порез мог стать проблемой через пару дней, что уж тут говорить о пулевом ранении, старательно присыпанном грязью да сдобренном путом?

К ночи они, устав петлять, забились в узкую щель между скалами и замерли, сдерживая тяжелое дыхание, настороженно прислушиваясь, не приближается ли погоня. Арин лихорадило. Она вымоталась до предела, а Шагровский, хоть и кабинетный работник, еще держался – и в этом была несправедливость. Все должно было бы случиться с точностью до «наоборот». Арин знала пустыню куда как лучше северного гостя, конечно, не так, как бедуины, но все-таки знала, и если бы не ранение... Просто Валентину повезло: пуля безымянного стрелка только пробила полу его рубашки и оцарапала бок, оставив на коже бугристую длинную царапину, но не продырявила брюшины. Возьми стрелок правее, и он бы остался там, на вершине горы. В темноте не мудрено промазать, и один из нападавших, вынужденный стрелять по хаотически движущимся живым мишеням, таки промазал, но не совсем: на траектории высокоскоростной пули калибра 5.6 обнаружилась вторая цель. Арин повезло чуть меньше, чем Валентину – до настоящей удачи не хватило пары сантиметров.

Теперь, на исходе первого дня погони, госпожа Фортуна окончательно повернулась к беглецам задом: у девушки начинался жар, воды практически не было (то, что плескалось во фляге, водой можно было назвать очень условно). У них не было ничего. Лекарств, бинтов и патронов в «узи», захваченном вчера на Змеиной тропе. Даже сигарет не было. Шагровский, бросивший курить несколько лет назад, многое отдал бы за сигарету. При одной мысли о куреве начинало сводить зубы.

Но, несмотря на действительно «аховое» положение, одну вещь Валентин пока еще не потерял – надежду. Они были все еще живы, хотя давно должны

умереть. Обессилены, изранены, дезориентированы, но живы. А значит, шанс существовал. Реальный шанс. Тот, который не отнять, пока стучит сердце.

Ночь случилась лунная.

Пустыня, залитая белым призрачным светом, напоминала инопланетный пейзаж. Тени, лежащие в складках рельефа, казались черными, как чернила, и столь же непроницаемыми для взгляда. По мере движения огромной низко висящей луны по небосводу из небытия возникали еще секунду назад невидимые детали и предметы, а те, что еще мгновения назад казались выпуклыми, выбеленными нереальным светом, ныряли в темень и скрывались в ней, словно камень, брошенный в колодец. Местность менялась, словно возлюбивший эти места Господь творил землю до сих пор, не прекращая свой труд ни на минуту.

Черное и белое, добро и зло, смерть и жизнь, свет и темень...

Но и свет, и тени были переполнены звуками – ведь пустыня по-настоящему оживала только с наступлением ночи. Из-под земли, повинаясь зову прохладной тьмы, выползали мириады насекомых, змей и змеек, стучали во мраке копытца мчащихся куда-то антилоп, подвывая, бежали шакалы. Прошлой ночью Шагровский отчетливо слышал раздававшийся неподалеку раскатистый рык и убедился, что рассказы о леопардах, некогда водившихся в этих местах тысячами, не бредни – гигантские кошки по-прежнему здесь жили.

Во время своего панического бегства Валентин и его спутница давно потеряли всякие ориентиры – просто уходили от висящей у них на пятках погони, углубляясь все дальше и дальше в нагромождение рыжих скал и глубоких, как рубленые раны, ущелий. Они не понимали, что именно произошло в крепости, не отдавали себе отчет, что происходит сейчас, не догадывались, кто именно преследует их, кто из коллег погиб в ночь нападения, а кто остался жив, но инстинкт самосохранения подсказывал им обоим, что в движущуюся мишень гораздо труднее попасть.

И они бежали.

Остановиться – означало умереть.

Дважды они видели мелькающие вдалеке фонари да неверное дрожание фар квадроциклов – сомнений в том, кто именно бродит по пустошам ночью, быть не могло. Таинственные преследователи продолжали свою работу. Погоня шла по пятам, распутывая, в общем-то, несложный след. Беглецов спасало только одно – Иудейская пустыня для всех несведущих одинакова, будь они дичью или охотниками – в ней нет дорог, невозможно двигаться по прямой, и тот, кто не знает троп и ориентиров, рискует умереть от обезвоживания в двух шагах от источника с прохладной водой...

Но охотники могут нанять здешних следопытов, были бы деньги. Любой бедуин, согласившийся стать проводником (а почему, собственно, нет?) – смертный приговор для беглецов.

Шагровский поднял голову, скользя глазами по залитым лунным светом скалам.

Да уж... Он точно не бедуин!

В каменном лабиринте Валентин не просто заблудился: он не мог даже предположить на территории какой страны сейчас находится! Во время первых часов бегства вполне возможно было пересечь иорданскую границу – до нее было рукой подать – и оказаться в соседней державе. И хотя отношения с королем Иордании Хусейном в последние годы складывались для израильтян благоприятно, нарушителей границы, пришедших со стороны Израиля, их величество не жаловали. Где бы сейчас не находились беглецы – было ясно одно: преследователи не оставят их в покое ни на земле Израиля, ни в Иордании!

В одном сомнений не было – преследователи хотят смерти беглецов.

Как далеко пойдут?

Их атака была настолько стремительна, настолько дерзко исполнена, настолько нагла, что сомнений не возникало – эти люди пойдут как угодно далеко. До самого конца. А ведь Израиль – не самое лучшее место для таких вот операций. Страна, в которой у каждого второго гражданина есть оружие, не располагает к легкомысленному рейду по ее землям.

Однако те, кто вчера разгромил Мецаду, ничего не боялись. А если и боялись, то страх вызвать на себя удар израильских военных был куда меньше страха перед теми, кто отдал приказ уничтожить мирную археологическую экспедицию.

Шагровскому еще никогда не приходилось быть под автоматным огнем. Никогда – до вчерашнего дня. Все когда-нибудь случается впервые. И то, что еще недавно казалось бредом, кадрами из американского боевика категории «В», вдруг стало ошеломительной реальностью.

Нападавшим не хватило везения и, может быть, самую чуточку, профессионализма. Тут Валентин не мог говорить со стопроцентной уверенностью – не специалист, но то, что они с Арин до сих пор живы, было аргументом в оценке подготовленности неопознанных командос.

Группу, скорее всего, десантировали с самолета – они рухнули на вершину горы с небес, одетые в черное, на черных парашютах-крыльях, с наростами ПНВ[1 - ПНВ – прибор ночного видения.] на лицах. Здешняя охрана располагалась внизу – на подъезде к комплексу и в здании фуникулера, но не наверху – что делать работникам секьюрити в развалинах старой крепости? Откуда тут взяться террористам? С неба, что ли? Кто поверит в такую чушь? Так что оставшиеся ночевать на плато археологи были совершенно беззащитны. Возможно, у кого-то из работников экспедиции в вещах и был пистолет, но кто же коротает время в дружеской компании со стволом на коленях? Все произошло за несколько секунд, и смерть собравшихся у древнего очага была неизбежна – только вот никакое тщательно спланированное действие никогда не идет по плану.

Когда первый парашютист, проскочив над открытой площадкой, не рассчитал скорость, врезался в стену Западного дворца с хрустом упавшего на асфальт арбуза и, гремя оружием, рухнул без сознания к ногам дяди Рувима, план нападающих пошел наперекосяк.

Это был подарок богов, пусть недостаточно щедрый, чтобы спасти все жизни, но, по крайней мере, давший шанс некоторым...

Например, им двоим.

Валентин осторожно, стараясь не потревожить девушку, начавшую забываться беспокойным сном, потрогал собственный зудящий бок. Разъеденная путом рана

побаливала. Можно было, и не подсвечивая, догадаться, что края ее покраснели и из-под них сочится сукровица, застывающая на коже твердой ломкой коркой. Если завтра-послезавтра их не убьют преследователи, то убьют солнце и безводье. Если же повезет найти воду, то за пару дней их убьет инфекция, уже бродящая в крови. Перспектива становилась все веселее и веселее. Главное, не запаниковать, не начинать метаться! Держать себя в руках, иначе...

Думать о том, что именно скрывается за словом «иначе» Валентину совсем не хотелось (вспомнились стервятники, описывающие круги над павшим верблюдом – огромные, голошеие, не знающие страха!), и он прикрыл глаза, прислушиваясь к голосам пустыни.

Отдых будет коротким. Пока нет жары – можно двигаться. Складки ландшафта дают непроницаемые тени, их с Арин будет почти невозможно засечь со спутника – если такое наблюдение ведется. Разогретые за день камни излучают тепло так, что и тепловизоры бессильны. Вот только куда идти? Как можно спастись от того, что не имеет имени? От того, чьих целей ты не знаешь?

Валентин положил руку на свой дорожный рюкзачок, потерявший первоначальный цвет, забрызганный кровью и продранный на боку. Сквозь прореху проглядывал черный шершавый бок специального бокса для документов. Контейнер, в котором Рувим Кац запечатал найденные свитки, был сравнительно невелик, но увесист. Армированный кевларовой нитью пластик поверх корпуса из нержавеющей прочного сплава, завинчивающаяся крышка, штуцер для заполнения емкости инертным газом – настоящее произведение технологического искусства весом под пять килограммов.

Шагровский потер глаза. Под веками бегали цветные искры, зудели раздраженные солнцем и пылью глазные яблоки. Конечно, можно было бодриться и изображать супермена, но что толку врать самому себе? В действительности Валентин чувствовал себя избитым и обессиленным.

«Узи» придется бросить, подумал он. Жаль, конечно, но патронов к нему нет, а тащить железяку тяжело. Контейнер я не брошу ни за что, а автомат брошу. Был бы у него хоть приклад, тащил бы, как дубинку, а у этой тархтелки и приклада-то нет.

Он вздохнул, снова потер глаза, пытаясь проморгаться, но из этого ничего не вышло – песчинки царапали роговицу, причиняя немалую боль: хотелось потрогать веки пальцами, что возбранялось категорически, и Валентин об этом хорошо знал. Конъюнктивит ослепил бы Шагровского за несколько часов, надежнее, чем раскаленное железо в руках средневекового палача. А пока можно было потерпеть: глаза слезились и болели, но не гноились.

Как же я устал, мысленно пожаловался он, задрал лицо к звездному небу. И как хочется спать. Двое суток без сна – это кого угодно сморит. Полчаса на отдых, не более. Всего полчаса – потому, что если я не посплю, то мы точно свернем себе шею на этих чертовых камнях.

Бокс казался шершавым на ощупь и, как ни странно, не охлаждал ладони, металл под пластиком не ощущался вовсе. Внутри контейнера, изготовленного по самым последним технологиям, лежали пятьдесят листов, возраст которых профессор Рувим Кац (а он считался самым компетентным исследователем в области рукописей периода падения второго Храма) определил в две тысячи лет, плюс-минус век-другой. Пятьдесят листов, исписанных с двух сторон мелкими буквами греческого алфавита – наиболее хорошо сохранившийся документ времен Иудейской войны.

Почерк у писавшего был почти каллиграфический, строчки, правда, не совсем ровные, словно человек, выводивший эти буквы, писал на колене, а не за столом. И чернила практически не выцвели за тысячелетия, ну разве что чуть-чуть. Дядя Рувим, увидев пергаменты, охнул и побледнел так, что это было видно сквозь загар.

«Гвиль![2 - Гвиль (иврит) – название пергамента у евреев с древности до наших дней. Пергаммент (от греч. пергам) – материал для письма из недублёной кожи животных (до изобретения бумаги). Так же называли и древнюю рукопись на таком материале.] – только и выдохнул он. – Настоящий гвиль! Йофи![3 - Йофи (иврит) – хорошо, замечательно.]»

Если у археологов бывает джек-пот, то профессор Кац обыграл казино вчистую. Мало кто из археологов надеялся найти что-либо подобное. Слишком большой промежуток времени должны были пережить тонкие пергаментные листы. Слишком много крови пролилось на этой земле, слишком много захватчиков грабили ее сокровищницы.

И тут такое! Полсотни страниц, написанных на греческом! Не на коптском, не на арамейском или хибру, а на языке Гомера! Пусть на устаревшем, достаточно примитивном, но на том, которым и сегодня говорит не один миллион человек. Что бы ни было написано на этих пергаментях – они оказались бесценны только потому, что дошли до нас из тьмы времен! А когда стало понятно, что именно на них написано, то любой неспециалист мог с уверенностью сказать, что найдено самое большое археологическое сокровище на Земле. И именно ради этого сокровища были убиты члены экспедиции Иерусалимского университета. Ради него Шагровского и Арин вторые сутки гнали, как дичь.

Сухой воздух пустыни и само место захоронения тела, возле которого они были найдены, законсервировали документы так, что они почти не нуждались в реставрации. Кожа, конечно, стала более хрупкой по краю листов, но не крошилась в пыль. И пока Валентин под руководством дяди снимал на флешку каждую страницу рукописи, Арин паковала уже сфотографированные листы в контейнер.

Шагровский греческого не знал, но пока вокруг находки кипела работа, дядя, свободно владевший греческим того времени, читал вслух то, что мог с ходу перевести прямо с экрана ноутбука, и тяжелые, как свинец, строки, ложились одна к одной, заполняя память Валентина, словно песчинки, стекающие из горловины песочных часов...

Одна за другой, одна за другой, одна за другой...

Глава 1

Апрель 73 года н. э. Иудея, крепость Мецада

Мое имя – Иегуда.

Здесь, в осажденной крепости, никто не знает, кто я и откуда пришел – и это хорошо. Я не хочу быть узанным.

Вы спросите меня – почему? Отвечу.

В жизни своей я совершил много плохих деяний и не раскаиваюсь в них. Что толку раскаиваться, если те, у кого я мог попросить прощения, давно уже мертвы? А для остальных мое раскаяние – пустой звук. И не людского возмездия за совершенное зло опасаясь. Мне незачем прятаться от моих грехов. Те, кто собрались здесь, за стенами Иродового гнезда[4 - Иродово гнездо – крепость Мецада построена в конце I века до н. э. иудейским царем Иродом Великим как персональное убежище для семьи. Именно здесь царь Ирод скрывался в то время, когда ему и его семье грозила опасность. Крепость была практически неприступна, имела огромные запасы продовольствия и уникальную водозаборную систему, позволяющую хранить и возобновлять запасы воды. В архитектурный комплекс входили не только фортификационные сооружения, но и личные дворцы Ирода, построенные со вкусом и размахом.] не станут осуждать меня. А для всех, кто знал меня прежде, я мертв. Мертв с того самого дня, как меня, до неузнаваемости обезображенного жарой, с лицом, расклеванным птицами, вынул из петли римский патруль, и мусорщики, содрав с распухшего тела остатки одеяния, зарыли меня наспех за пределами кладбища.

Без молитвы, без пелен, без плача – как должно хоронить самоубийцу.

Самоубийцу и предателя.

Старость изжевала мое лицо и выкрасила волосы в цвет соли с берегов Асфальтового озера. Глаза мои слезятся и потеряли блеск, кожа сморщилась, как кожа иссохшей смоквы, и только руки по-прежнему тверды, когда я беру в руки короткий римский меч – гладиус. Когда-то я был так же тверд и опасен, как он, но те времена давно прошли и кости убитых мной людей истлели в земле. Я живу на свете долго, очень долго. Настолько долго, что уже не опасаясь того, что кто-то узнает в дряхлом, потерявшем половину зубов старике Иегуду, некогда прозванного Сикарием[5 - Сикарии – радикальное крыло течения зелотов (зелоты – см. ниже).], за приверженность Традиции и за мастерское владение мечом и острой смертоносной, как удар молнии, сикой.[6 - Сика – очень острый кинжал, излюбленное оружие сикариев, которых и называли так, по имени этого оружия.]

Мне довелось быть плохим сыном, негодным мужем, бездарным отцом, убийцей, беглецом, учеником, апостолом и жить бездомным бродягой под чужими именами. Но я всегда оставался хорошим другом.

А имен было столько, что постепенно я начал забывать собственное. Старость – как оказалось, невеселая вещь. Полбеда, когда дряхлеет тело – с этим трудно смириться, но это можно пережить; настоящее горе, когда отказывает разум. Верьте мне, я знаю. Я видел, как становятся безумцами. Это единственное, чего я боюсь больше смерти. Но это то, чего я не могу ни предвидеть, ни предотвратить. Возможно, что завтра я проснусь и не смогу осознать, кто я и где нахожусь. Но пока я помню все – малейшие подробности страшных и великих событий, произошедших почти сорок лет назад...

Помню не потому, что хочу, а потому, что не могу забыть.

У меня есть время записать свою историю, и впервые появилось желание это сделать. Я думаю, это происходит потому, что я уверен – записки мои никто не прочтет, а, значит, я не нарушу уговора. А может быть, все дело в тайной надежде, что когда-нибудь и наш уговор станет известен?

Хотя, если все случится так, как он предвидел, мне все равно никто не поверит. Если мы живем вне историй, то кто сказал, что истории не могут жить без нас?

Моя история давно написана, оглашена и не нуждается в исправлении. Вина определена, и я сам помог подтвердить ее. Теперь каждый знает, как все было. Я и сам порою сомневаюсь, а было ли иначе? Когда люди верят, им не надо знать правду, правда – это то, во что они верят. Вера – она не от разума, вера есть отсутствие сомнений. В этом и тьма, и свет; и зло, и добро. Потому, что человеку трудно жить без веры, но жизнь его пуста, если он не умеет сомневаться. В любом случае, правда о том, что произошло сорок три года назад, умрет вместе со мной. И возможно, это к лучшему.

Я сижу у колоннады Северного дворца и смотрю на удлиняющиеся тени. Солнце падает в пустыню, над Асфальтовым озером бродят сумерки, и скоро станет прохладнее...

Над головой моей раздаются голоса женщин, готовящих пищу в самодельном очаге. Пламя лижет фрески, которыми покрыты стены, и по штукатурке начинают бежать трещины. Но кому теперь есть дело до того, останутся ли краски нетронутыми? Крепость падет со дня на день, хоть еды у нас на несколько лет и воды вдоволь.

Только времени уже нет.

Слишком неравны были силы – могущественная Империя против мятежной провинции. Наша надежда на победу умерла до того, как легионы взяли Мецаду в кольцо. А может быть, и до того, как пали стены Ершалаима. Все можно пережить, если жива надежда, но нельзя победить, когда в душе только пепел. Значит, пока римский меч не проткнул мне горло, я подведу итоги.

Я не солгал вначале, говоря, что не раскаиваюсь в совершенном зле. Это правда. Мир, в котором я прожил жизнь, таков, каков есть, и не станет другим. Никогда не станет. И что в нем есть добро, а что зло – не нам сегодняшним судить. Нельзя нарисовать белое на белом. Для рисунка, как и для жизни, нужно как минимум две краски.

Я сказал, что душа моя не знает раскаяния, но не говорил, что нет поступка, в котором я не раскаиваюсь. Такой поступок есть. Воспоминания о нем сжимают мне горло, и сердце мое стынет, словно кто-то обложил его кусками льда. Раскаяния нет, есть безумная тоска о том, что невозможно исправить, невозможно изменить. Я признаюсь в этом перед лицом смерти, которая изо дня в день говорит на латыни, бряцает железом и стучит молотками у подножия неприступной горы. Я исполнил свой долг до конца, как обещал, и до сих пор не знаю, правильно ли сделал.

Есть замыслы, которые не охватишь обычным разумом, в них можно только поверить.

Я поверил – и стал предателем.

Но я не предавал.

Израиль, наши дни. Иудейская пустыня неподалеку от Мертвого моря

Он открыл глаза и в испуге глянул на часы. Сердце зашлось от одной мысли, что большая часть ночи уже ушла безвозвратно, но взглянув на стрелки, Шагровский с облегчением вздохнул.

Всего сорок пять минут беспокойного, поверхностного сна, наполненного чужими голосами, незнакомыми образами и настолько сильной тоской, что она казалась осязаемой. Валентин не чувствовал себя отдохнувшим, но спать все-таки хотелось меньше.

Рядом с подошвой кроссовки, покачивая загнутым хвостом, прополз крупный рыжий скорпион. Гадина спешила по своим делам, не обращая никакого внимания на чужаков, забившихся в скальную щель. Скорпион был на своей территории. Он будет здесь и завтра, и послезавтра, и через месяц, а чужаки уйдут.

Или станут пищей.

Шагровский проводил членистоногое глазами, вздохнул и с сожалением принялся будить Арин.

До рассвета оставалось почти шесть часов.

И это время надо было потратить с толком.

Глава 2

Апрель, наше время. Аэропорт «Бен Гурион», Израиль, Тель-Авив

В зале прилета кипела толпа. Мало кто из встречающих хотел ждать за дверями терминала, где уже вовсю свирепствовала знаменитая израильская жара, и, выйдя из таможенной зоны, Валентин уткнулся взглядом в плотно стоявшую за ограждениями, шумную, возбужденную скорой встречей и слегка потную стену людей.

Он сделал еще шаг, закрутил головой, отыскивая среди сотен лиц знакомое ему, и тут же услышал зычный, как иерихонская труба, голос дяди Рувима:

– Валентин! Держи левее!

От дяди пахло лосьоном для бритья, трубочным табаком и – чуть-чуть, едва слышно – потом. Это был единственный признак того, что для встречи племянника он проделал неблизкую дорогу. Одет он был так же просто, как на старых фото, которые Валентин рассматривал тайком еще в советское время, стащив их из запертого ящика папиного стола. В те времена упоминать о родственниках за рубежом нельзя было даже ночью, накрывшись одеялом, вот родители и прятали фотографии, попавшие к ним разными окольными путями, – не дай бог ребенок проболтается!

Как и тогда, на дядюшке была просторная полотняная рубаша с длинными рукавами, широкие брюки из той же ткани, выгоревшие парусиновые туфли. Свободный крой наряда маскировал могучее телосложение профессора, а широкополый «стетсон» защищал его выдубленную ветром кожу от палящего солнца пустыни и придавал ему неоспоримое сходство с героями спилберговской эпопеи об Индиане Джонсе.

Объятия у него были крепкие, непохожие на прикосновения пожилого человека, да и ростом Рувим Кац был никак не ниже племянника, разве что на чуть-чуть – минимум метр восемьдесят два, только весил килограммов на двадцать поболее. Но эти двадцать килограммов распределились по его телу исключительно удачно, грузным его назвать было нельзя, а вот мощным – вполне. В детстве он казался Шагровскому старым, как города, которые раскапывал, а сейчас он с трудом верил, что всего два года назад весь мир официальной археологии поздравлял дядюшку с шестидесятилетием. И в окошечке «скайпа», [7 - Скайп – популярная компьютерная программа, с помощью которой осуществляются разговоры и передача видеоизображений по интернет-линиям.] и сейчас, при личной встрече, профессор Кац никак не походил на пенсионера. Вполне себе зрелый мужчина в расцвете жизненных сил – с гривой белых волос на голове, схваченной на затылке в хвост, пижонской трехдневной щетиной и яркими серыми глазами на загорелой физиономии. По рассказам матери, дядя вел свободный образ жизни, не обременяя себя ни семьей, ни детьми, и студентки с аспирантками самых разных возрастов и национальностей натурально конкурировали между собой, чтобы получить толику профессорского внимания. Дядя был жизнелюб и бонвиван, и именно это, наверное, делало его моложе.

– Ну, как в таких случаях говорят? Я, честное слово, не знаю... – спросил он, похлопывая Валентина по спине широкими ладонями. – Поворотись-ка, сынку? Какой ты теперь большой стал? Или что-то другое? Я, друг мой, помню тебя еще совершеннейшим пунелэ, [8 - Пунелэ (идиш) – толстячок, пухленький.] на тех

фото, что Тоня передавала мне тайком. Такой маленький мальчик на большом киевском бульваре! Портрет в каштановом цвету! Да и в своих фильмах ты не такой! М-да... Идут годы, идут...

- Рад тебя видеть, дядя Рувим...

- А я тебя, малыш... Я Тоне звонил уже, - он помахал зажатой в руке мобилкой, - сказал, что твой рейс сел благополучно. Так что отметишься позже! Вот же парадокс - еврейской крови в моей сестричке кот наплакал, а ведет себя, как настоящая аидише[9 - Аидише (идиш) - еврейская, еврейский.] мама.

- Что есть, то есть, - согласился Валентин, усмехаясь. - Аидише мама - это еще слабо сказано! Когда-то она умудрилась дозвониться на спутниковый телефон, номер которого не знал никто в экспедиции. По телевизору сообщили, что из-за дождей возможны наводнения, и она решила меня предупредить...

- А... Это когда вы делали «Тайную историю Российской империи»? Для «National Geographic»?

- Точно.

- У меня есть диск. И как ты это терпишь?

- С трудом, - улыбнулся Шагровский. - Но деваться некуда. Привык... Мама есть мама.

- Сейчас просто быть хорошим сыном, - профессор подмигнул ему, оглянувшись через плечо. - А представь себе, каково было моему поколению до изобретения мобильных телефонов?

Они пробирались сквозь толпу - встречающих действительно было много.

Кац, несмотря на массивное сложение, скользил среди суетящихся людей легко, двигаясь, как молодой человек, а не убеленный сединами дед. Шагровский еще раз удивился несоответствию придуманного им образа с настоящим, живым человеком.

– Нам на второй уровень, – дядя призывно взмахнул рукой, и первым вступил на эскалатор. Валентин едва успел за ним, огибая брошенную кем-то возле заградительного столбика багажную тележку. – Немножко помучаю тебя расспросами, но недолго, не бойся. Честно говоря – ты меня удивил...

– Чем?

– Я не думал, что ты примчишься. Я тебя столько раз просто в гости звал, а ты все никак времени не находил, – в интонациях родственника слышалась легкая обида. – А тут сразу нашел! Конечно, я рад, что ты приехал, но и удивлен, если честно признаться... Все-таки объект моей нынешней работы такой...

– Какой «такой»?

Они прошли через стеклянные двери на открытую галерею, соединяющую терминалы аэропорта, и Валентина обдало жаром, словно какой-то огнедышащий сказочный дракон дохнул в его сторону. Воздух здесь был мертвый, пахнувший бетонной пылью и бензином. Под галереей, подбирая выплескивающиеся из дверей зала прилета пассажиров, сновали белые такси, мини-вэны с притемненными стеклами, неуклюже двигались туши автобусов, гудели сотни людских и механических голосов, урчали двигатели...

– Непопулярный, – сформулировал наконец-то Рувим, и Валентин вдруг услышал, что в речи дяди присутствует едва заметный акцент, превращающий его грамотный русский в разновидность иностранного. Между словами возникали крошечные паузы, которые безошибочно показывали чуткому уху, что язык для говорящего хоть и родной, но использует он его достаточно редко, от случая к случаю, и вынужден задумываться, подбирая точные слова.

– Непопулярный – потому, что чисто еврейский... Ну кого сейчас, скажи на милость, интересуется история крепости Мецада? Кто о ней слышал за пределами Израиля? Я тебе больше скажу – многие живущие здесь лет двадцать как тоже ничего не слышали! Не интересовались. Преданья старины глубокой... – Он улыбнулся. – Зачем нужны все эти манцы, [10 - Манцы (идиш) – сказки, небылицы.] когда нужно кормить детей и жену? Вот сколько стоит баранина в ближайшем маркете, они знают хорошо! Голодным не до любопытства, сытым – лень его проявлять. Я понимаю, есть фильмы по «Discovery», по «National Geographic», но Мецада – это же не гробница Тутанхамона, не пирамида

Хеопса... Просто груды камней на вершине горы, да еще и посреди пустыни! Где романтика? Золота в крепости никто не находил, драгоценностей тоже – значит, никаких тебе историй про клады, проклятия фараонов и прочей дребедени нет... Скука!

Возле лифтов, ожидая прихода просторной кабины, стояли толстая до невозможности негритянка в джинсах и футболке, размерами напоминающей парашютное полотнище, да раскосая и миниатюрная, словно нецке, [11 - Нецке – миниатюрная японская скульптура, представляющая собой резной брелок.] супружеская пара – скорее всего, японцы. Дядя им вежливо улыбнулся, и могучая темнокожая барышня, которую Валентин мысленно уже успел окрестить ходячим кладбищем гамбургеров, заулыбалась в ответ, демонстрируя безупречный оскал и легкий характер.

– Я понимаю, что у тебя карт-бланш от руководства канала, особенно после джек-пота с «Тайной историей...» и всеми этими премиями и фестивалями. Но ты же журналист! Личность популярная, известная... А популярность – она отнимает право на ошибку! Несенсационные темы не для тебя. Тебе нужно что-то жареное, некошерное!

– Не преувеличивай!

– Да брось! Я твой цикл смотрел давно, когда мне Тоня диск присылала... Хороший цикл. Я тебе говорил – пожалел тогда, что ты не археолог! Есть в тебе жилка, определенно есть! Но твои фильмы – это и не наука, и не литература, и не кино – ликбез для любознательных! Вечером делаешь сэндвич, садишься на диван перед телевизором и, тщательно пережевывая пищу, получаешь порцию несложных знаний, переваренных моим амбициозным племянником! Заметь, я тебя не критикую! Я тобой восхищаюсь!

– Да? – переспросил Шагровский с иронией. – Восхищаешься? Seriously? Я и не заметил...

– Да, восхищаюсь, – подтвердил Кац. – Именно. Я так не могу. Вернее могу, но не нахожу возможным. Я постоянно скатываюсь на менторский тон. Я – лектор, но не умею упрощать. Я говорю со студентами на одном языке, но если они его не знают, они ничего не поймут. Нужны базовые представления о предмете. А ты умеешь доверительно объяснить зрителю, что твой продукт – это именно то, что

ему нужно. Безо всякой базы и терминологии. И заметь, ты рекламируешь не телячью вырезку и способы ее приготовления, а вполне достойные вещи, просто в экстремально доступной форме. Экстремальной, потому что еще шаг, и начнется примитив, ничего общего ни с историей, ни с археологией не имеющий. Но главный твой талант в том, что ты эту тонюсенькую грань между популяризацией и профанацией не пересекаешь! Ты готовишь зрителя к эволюции. Даже если ему на эволюцию плевать! Теперь нужен следующий шаг! Твоя личная эволюция!

Дядя увлеченно взмахнул рукой, и едва не задел идущего навстречу мужчину.

– Если тебя с интересом смотрел я, то, возможно, с интересом посмотрит более серьезная аудитория. Просто вместо фаст-фуда придется сочинить что-нибудь посложнее. Работа с объектом, о котором не сделаешь фильм-сенсацию – это риск для журналиста, от которого ждут фейерверка, а не дотошного исследования. Так что учти, если делать – то делать надо что-то документальное и не для дилетантов, а для людей, которые имеют представление об истории, а это сужает твою аудиторию до минимума. Из Мецады новый сериал просто так не выжмешь, нужен нетривиальный подход, новый взгляд. Тут копано все перекопано, мне и финансирование в этот раз не хотели давать – мол, что вы собираетесь искать и зачем? Никто не верит, что еще можно найти что-то свежее... Все известно, все найдено, все учтено и продумано – зачем лишние подробности? Ведь уже есть легенда? Зачем ее менять?

– Легенда? При чем тут легенда? – спросил Валентин, вкатывая чемодан в просторную кабину лифта. – Я же, когда готовился, читал отчеты. Ты сам участвовал в раскопках Ядина...[12 - Генерал Игаэль Ядин – легендарный военный и политический деятель государства Израиль, начальник генерального штаба ЦАХАЛа, после отставки – археолог, прославившийся фундаментальными открытиями в своей области, автор научных трудов о свитках Мертвого моря, руководитель раскопок в крепости Мецада.] Я знаю...

– Конечно, – согласился Рувим и быстро, как показалось Шагровскому, с насмешкой глянул на племянника через плечо, нажимая на кнопку. – Участвовал. Был. Состоял. Чему страшно рад, между прочим! Хоть с Игаэлем мы так разошлись во мнениях, что до самой его смерти не разговаривали. Хорошее было время. Мы создавали не только страну, мы создавали миф. Что это за государство, в котором нет своих трехсот спартанцев? Тем более что история Мецады – красивая история. Вполне может поразить воображение. Фильм

художественный когда-то был, с О'Тулом...[13 - Питер О'Тул (род. 1932 г.) – британский актер ирландского происхождения. Неоднократно номинировался на «Оскар». Прославился исполнением роли Лоренса Аравийского в одноименном фильме. Сыграл Флавия Сильву в фильме «Мецада» (1982).] Видел?

Валентин покачал головой.

Лифт опустился на нижний ярус, и они вышли на огромный паркинг, оставив слева обширную стоянку прокатных машин, к которой направились их временные попутчики.

– Посмотришь обязательно. Куски из него прямо в крепости туристам крутят, при входе, как инсталляцию. Живописно так, бодренько, с пафосом... У меня дома точно есть, только найти надо. Но разве у меня что-то найдешь? – Кац вздохнул, но не без лукавства. – Знаешь, без женской руки просто завал!

Женских рук, если верить рассказам матери, в квартире у дяди Рувима перебивало с избытком, только заняты гости были явно не наведением порядка. Во всяком случае, жалоба на царящий в доме хаос звучала в устах профессора археологии рефреном буквально в каждом телефонном разговоре с сестрой.

– Будет интересно глянуть, если отыщется, – согласился Валентин. – Я когда в сети материалы искал, видел ссылки. Но фильм старый, на трекерах[14 - Треккер – специальный сетевой сервер, служащий для хранения информации, например, музыкальных композиций или фильмов, предназначенных для скачивания.] не лежит, а заказать его не успел – подоспело твое приглашение. Мы сейчас куда?

– Мы сейчас туда... – Рувим махнул рукой в неопределенном направлении. – Если ты не устал, конечно – то прямо на север. Поедим по дороге, знаю неплохой кабачок... Там подают такой хумус[15 - Хумус – закуска из нутевого пюре, в состав которого обычно могут входить: оливковое масло, чеснок, сок лимона, паприка, сезамовая паста (тахини). В арабском языке и ивритском сленге «хуммус» означает просто нут. Хумус особенно популярен на Среднем и Ближнем Востоке, в том числе в таких странах, как Израиль, Иордания, Ливан, Сирия, Турция, Кипр, Греция.] – пальчики оближешь? Ты, вообще, когда-нибудь хумус ел?

- Ел, - улыбнулся Шагровский. - Но вкус уже забыл...

- Ну, значит, скоро вспомнишь! Наконец-то! Мы пришли... Как же я не люблю эти современные аэропорты! Вот и наш Росинант...

Росинант оказался белым пикапом с двойной кабиной, в которой мирно дремал водитель. Открытый кузов железного коня был аккуратно выметен, и Валентинов чемодан немедленно отправился в угол, правда, до того Шагровский извлек из него пакет с домашним гостинцем и вручил дядюшке.

- Чтобы не разбить по дороге... Мама сказала, что тебе должно понравиться...

- Еще бы, - подтвердил Кац, сунув нос в пакет. - С перцем? Вполне кошерно! [16 - Кошерная пища - еда, отвечающая требованиям кашрута - еврейских законов об употреблении пищи («кашрут» означает пригодность к употреблению в пищу). Основные предписания, касающиеся кашрута, даются в Пятикнижии.] Сегодня и выпьем, непременно... Электронику - давай, ставь в кабину, на заднее сиденье. Кстати, знакомься, это - Арин...

Дверь пикапа хлопнула, и водитель, только что сидевший за рулем, оказался перед гостем, протягивая руку.

Девушка была смуглая, обласканная здешним солнцем так, что брови и ресницы превратились в светлый пушок. Под выгоревшими бровями глаза казались несколько темнее, чем были в действительности, и Валентин не сразу понял, что они не черные, а темно-орехового цвета, с зеленинкой. Прическа соответствовала одежде в стиле «милитари» или «сафари» - забранные в аккуратный хвост волосы, стянутые резинкой. Рот без следов помады, что, впрочем, его не портило - губы у барышни и без краски были яркими и даже на загорелой коже выделялись изрядно. Это чтобы не сказать - вызывающе. Изящной Шагровский ее бы не назвал, хотя она была как минимум на голову ниже его. Крепкая, явно в прекрасной физической форме, чего не достичь без многочасовых пробежек или работы с железом в фитнес-клубе, но не приземистая. И кисть сильная, но тонкая, с миниатюрной ладошкой. Красивая посадка головы на стройной шее...

- Арин - мой ассистент, - продолжил представление дядя, переходя на английский. - Бывшая студентка, ныне - аспирант... В общем, если говорить

понятным тебе языком, я научный руководитель ее работы... А это – мой племянник, и зовут его...

– Валентин, – сказал Шагровский, пожимая протянутую ему руку. – Приятно познакомиться...

– Мне тоже.

Голос у Арин оказался неожиданно мягким. Валентин ожидал услышать нечто сухое, под стать наряду, лишенное обертонов, но обманулся в ожиданиях. А вот рукопожатие оказалось крепким, несмотря на то что маленькая ручка девушки почти целиком утонула в его ладони.

– Поехали? – предложил дядя Рувим и полез в кабину. – В дороге познакомитесь поближе, вы же почти земляки... Давай, Валек, садись впереди, посмотришь на красоты... Арин, по пути надо заехать на базу, забрать продукты и оборудование, так что придется побыстрее выбираться, а то угодим в пкак[17 - Пкак (иврит) – пробка. Этим словом обозначают и автомобильную и бутылочную пробку.] на въезде в Иерусалим – и будет нам еврейское счастье!

– Земляки? – удивился Шагровский, забираясь в кабину. – Мы с Арин – земляки?

– Моя мама украинка, – неожиданно произнесла девушка на русском. В словах ее прозвучал акцент, гортанный, жесткий, превративший знакомые слова в полужнакомые, хотя понять ее было можно. – Но я плохо знаю язык. Отец учился у вас. Он был доктор. Женился на маме, привез сюда.

– Сюда? В Израиль? Израильтянин и учился у нас? – переспросил Валентин недоверчиво.

– Израильтянин – не всегда еврей. Совсем не всегда. Я тебе потом расскажу, – перебил его дядя Рувим. – Или Арин расскажет. Еще одна история давно минувших дней... Хорошо быть молодым и ничего не знать! Поехали, поехали, поехали...

Двигатель пикапа завелся, машина тронулась, выползая из своего ряда, и тут же из рефлекторов системы вентиляции дунуло благодатной прохладой.

– Кстати, – сказал профессор Кац, вытирая лицо влажной салфеткой. – Если на шаббат мы не попадем ко мне домой, то, имей в виду – твоя мама потеряет брата, а ты лишишься дяди. Тетя Руфь – это еще тот тиран, Ироду[18 - Ирод Великий – идумеянин, сын Антипатра, римского прокуратора Иудеи. Царь Иудеи (40–4 гг. до н. э.), основатель идумейской династии Иродиадов. Постепенно превратился в жестокого и кровожадного деспота, который беспощадно истреблял всех и всё, в чем только его подозрительный взгляд видел признак крамолы. Так, он истребил почти весь дом Хасмонеев как потомков законных правителей еврейского народа и не остановился даже перед умерщвлением Мариамны, хотя она была самой любимой из его десяти жен.] рядом нечего делать!

– Да я, собственно, и не возражаю, – улыбнулся Шагровский. – Визу мне на год дали, я еще и надоесть тебе успею...

– На год? Если бы мне дали год! – развел руками Рувим. – У нас на раскопки всего два месяца. Мецада – музей под эгидой Юнеско, национальный парк! Знаешь, сколько там посещений за год? Закрывать такой объект практически невозможно! Тем более что мне вполголоса шепнули, что оснований для раскопок вообще не видят и даже эти два месяца разрешают только из уважения к моей скромной персоне. Так что времени – всего ничего! Мы огородили часть крепости, которая нас более всего интересует, а по остальной территории все так же водят экскурсии. Закончим на этом участке – передвинем ограждение. Вот только сколько раз мы успеем это сделать? Плюс к цейтноту – жара. Мы уже двенадцать дней копаем с минимальными результатами. Несколько монет, куча черепков совершенно разного возраста. А вчера еще полетел трансформатор питания магнитометра...[19 - Магнитометр – прибор для измерения характеристик магнитного поля и магнитных свойств веществ (магнитных материалов), используется археологами для подземной разведки по методу обнаружения магнитных аномалий.]

– Пустоты ищешь?

Дядя кивнул.

– Мецада вся в дырках, как кусок сыра. Камень для крепости добывали там же, на вершине. Остались старые каменоломни, в склонах желоба и цистерны для воды – все плато, на котором стоят развалины – это провал на провале! Но если что и надо искать – то ненайденные предыдущими экспедициями мины.[20 -

Название «мина» происходит, скорее всего, от en mine – подкоп (сначала для обрушения стен крепостей применяли подкопы, впоследствии, с изобретением пороха – подкопы с заложённой взрывчаткой). Здесь имеется в виду поиск старых подкопов, неисследованных полостей внутри горы.] Среди такого количества ходов потерять можно и десяток, и два. Учти, что в шестьдесят третьем магнитометров и сонаров у нас не было. Банальные миноискатели да энтузиазм – этого казалось достаточно, чтобы просеять в Мецаде каждый квадратный метр.

– И вы его просеяли...

– Не сомневайся. Просеяли. Но после этого были ещё экспедиции, были ещё находки. Рукописи, найденные в Кумране,[21 - Кумранские рукописи – название манускриптов, обнаруженных, начиная с 1947 года, в пещерах Кумрана, в пещерах вади Мурабба'ат (к югу от Кумрана), в Хирбет-Мирде (к юго-западу от Кумрана), а также в ряде других пещер Иудейской пустыни и в Мецаде (Массаде).] на многое заставили взглянуть по-другому. Под этим солнцем, – он постучал кулаком в крышу пикапа, который уже взлетал по эстакаде к магистрали, оставляя позади постройки «Бен-Гуриона», – две тысячи лет назад столкнулись несколько миров, несколько цивилизаций. Бесконечные войны их переплавили, и в том, что из этого всего получилось, мы и живём. Наш мир сегодня такой, потому что пророс из прошлого. Римляне, греки, идумеяне, египтяне, копты, арабы, галлы, гунны, франки... Все перебивали на этой земле, все оставили на ней след! Язычники, иудеи, христиане, мусульмане – пусть они не скрывают свою ненависть друг к другу, но их дома стоят рядом, их покойники лежат рядом в могилах, потому что кладбища здесь такие же древние, как и города, и каждый народ, каждый верующий, в кого бы он ни веровал, называет эту землю своей. И это, дорогой ты мой писатель, чистая правда! Родина христианства, мусульманства и, вообще, сегодняшней всемирной цивилизации – здесь. Юго-Восточную Азию, Китай, Индию и Японию выносим за скобки – это совершенно другие истоки, хотя и тут есть вопросы. Но Европа, Америка, Ближний Восток, Африка – выросли из здешнего семени! Они могут все отрицать, но это пустое занятие – их корни здесь. Каждый, кто крестится или становится на колени лицом к Мекке – отсюда родом. Тут каждый камень – история, каждая пещера кого-то приютила за тысячи лет. В Иудейской пустыне даже козы ходят по тропам, пробитым десятки веков назад, что уж тут говорить о людях? Представляешь себе – тропа, которой тысячу лет?

Дядя Рувим усмехнулся и снова вытер лоб. Чувствовалось, что лекции – его конек, и рассказ приносит ему огромное удовольствие.

– Не нужно быть гением, чтобы понять: эта страна – одно из самых необычных мест на земле. Для историка, для археолога – это и рай, и ад. Это безумная земля! Что еще можно сказать о месте, в котором на месте еврейского храма стоит мусульманская мечеть, а христианские священники трех разных конфессий дерутся за то, чтобы первыми провести богослужение в церкви, ключи от которой хранятся у араба?[22 - Профессор Кац имеет в виду мечети, построенные на Храмовой горе во время царствования династии Омейядов, и храм Рождества Христова, расположенный на арабских территориях, в Вифлееме (Бет-Лехеме), построенный в 325 году н. э.] Ты понимаешь, что любой из наших археологов дал бы отрубить себе правую руку, чтобы исследовать то, что осталось от Храма? Мы знаем, где расположены его развалины, даже какие помещения и где располагались. Казалось бы – бери и копай! Только вот разрешения на это теперь надо просить у Аллаха. А он, можешь мне верить, не разрешит...

Пикап влился в поток,двигающийся на восток. Арин вела машину уверенно, легко, словно управляла не слоноподобным грузовиком, а одной из ярких малолитражек, которые во множестве шныряли вокруг: подвижные, словно маленькие жучки. Автомобили двигались быстро, практически на пределе ограничения скорости, но плотность потока не давала никому вырваться вперед, и железная река равномерно катилась по шоссе в направлении к окружившим Иерусалим холмам.

Дядюшка пустился в воспоминания, втягивая в разговор и Арин, отчего беседа потекла сразу на трех языках – ломаном русском, английском и незнакомом Валентину иврите. Разговор касался сразу всего: детства дяди, истории семьи валентиновых родственников по материнской линии, знаменитых раскопок, рассказывая о которых, профессор Кац становился пламенным трибуном – то есть говорили обо всем и ни о чем. Такое бывает, когда оказавшиеся в тесном контакте неглупые образованные люди, никогда до того не общавшиеся друг с другом, проводят «разведку боем», выясняя общие темы, пересечение интересов, некие границы дозволенного. Так, вроде бы ерунда, ни к чему не обязывающий легкий треп, а на самом-то деле очень важный тест на совместимость и общность интересов.

Шагровский болтал с попутчиками, крутил головой по сторонам, жадно выпитывая новые пейзажи, и некоторое время спустя вынужден был поискать в сумке солнцезащитные очки и прикрыть глаза стеклами – свет, заливающий все вокруг, был нестерпимо, почти по-африкански ярк. Впрочем, до Африки отсюда было подать рукой, во всяком случае, до Северной Африки.

Уставшим Шагровский себя не чувствовал. Перелет был короток, самолет новый и комфортабельный, хотя и в новых лайнерах вытянуть ноги в эконом-классе было задачей нелегкой, даже для опытного путешественника. Но для тех, кто хоть когда-нибудь летал в Штаты на «Ил-62», невыполнимых задач не было. Зато тут, в кабине пикапа, ноги можно было протянуть во всю длину, что Валентин и сделал, подставив ступни под прохладное дуновение кондиционера, затаившегося где-то под торпедой.

Шоссе, сузившись, протиснулось в ущелье. Скалы, поросшие неожиданно пышными хвойными деревьями, мгновенно встали по обе стороны от дороги из ниоткуда, на асфальт упали короткие тени, и тут же движение машин замедлилось, замерло на секунду, потом поток снова пошел, но неравномерно, рывками, и через сотню метров превратился в «тянучку».

Рувим начал было ругаться, закрутился на заднем сиденье, возмущенно затараторил на иврите, пытаюсь хоть что-то разглядеть впереди, где дорога плавно ввинчивалась в левый поворот. Но пикап шел в правом ряду, а впереди плелся огромный туристический автобус, раскрашенный в бело-розовый цвет, и через лобовое стекло ровным счетом ничего не было видно, кроме массивной, как зад гиппопотама, автобусной кормы с нарисованными на ней пальмами.

Профессор Кац несколько раз раздраженно произнес «ма пит'ом», [23 - Ма пит'Ом (иврит) – Чего вдруг? С какой стати?] на что Арин откликнулась коротким «эйн ма лясОт», [24 - Эйн ма лясОт (иврит) – Ничего не поделаешь!] обеспокоенно посмотрел на часы и неизвестно зачем ободряюще похлопал племянника по плечу, хотя уж кто-кто, а Валентин совершенно не волновался. Он еще не ощущал себя включившимся в работу телевизионщиком или сотрудником археологической экспедиции под руководством знаменитого родственника – скорее уж отпусником, прилетевшим на экзотический курорт.

Такое состояние «междуделья» было ему знакомо и практически всегда предшествовало неделям тяжелого труда. Так, например, случилось у них с Парфеновым в Заполярье, когда они отсняли двадцать часов материала при

минус сорока по Цельсию, в полярной ночи, за четверо неполных суток. Тогда Шагровскому казалось, что холод поселился в его костях навсегда, и он уже никогда не согреется. Но через полгода, когда на болотах Биробиджана их группу насмерть жрали таежные комары, а температура днем зашкаливала за сорок, но уже в плюс, холод не казался таким страшным испытанием, а о таком комфортабельном путешествии, как сегодня, можно было только мечтать!

В кабине пикапа царила прохлада. Валентин сидел рядом с красивой девушкой и, несмотря на безвкусный воздух, прошедший через систему климат-контроля, продолжал слышать легкий запах ее кожи. Пахло приятно, незнакомо, чуть пряно, словно теплым молоком с примесью кофе и горького муската. Шагровский, пользуясь тем, что мог спрятаться за стеклами очков, рассматривал Арин, почти не скашивая глаза, благо беседа с дядей позволяла ему сидеть вполоборота, практически лицом к водителю.

Смесь кровей двух далеких друг от друга народов дала хороший результат – девушка отличалась необычной красотой. Аккуратный тонкий нос с красиво очерченными крыльями ноздрей, выразительные скулы, необычного разреза глаза, смуглая, но не чересчур, кожа лица, украшенная пикантной точкой родинки на щеке. Забранные в тугий хвост пышные волосы были нездешнего цвета – пепельно-русые, почти ровные, то есть – без курчавинки, но с легкой волной. В осанке, в том, как она держала голову, красиво посаженную на тонкую, длинную шею, чувствовалась гордая стать, которую женщинам небольшого роста природа отпускает только вместе с сильным характером и волей. Обладательницу такой осанки можно назвать миниатюрной, маленькой, но никогда – низкорослой. По рукам, лежащим на ободке руля, было видно, что хозяйка «красой ногтей» не особо озабочена (какой уж у археолога маникюр!), но пыль веков под ними все же не просматривалась.

Шагровский искал в памяти какой-нибудь схожий на Арин образ, но к удивлению своему, не нашел, хоть всегда гордился своей памятью на лица и умению привязать внешность собеседника к определенному этническому типу. Для путешественника такое качество было очень ценным, для сферы, в которой подвизался Валентин, – ценным вдвойне: оно помогало ему ориентироваться в незнакомой среде и задавать правильные вопросы правильным людям. Эта девушка не была похожа ни на одну, ранее виденную Шагровским, – даже Мариуполь, Одесса или крымские города, где смешение кровей было поистине безумным, не познакомили Валентина с женщинами такой необычной внешности. Он поймал себя на том, что невольно улыбается.

Дядя, судя по довольной физиономии, интерес племянника к спутнице заметил и никакого неодобрения не проявил, скорее уж наоборот.

Дорога скатилась вниз, пошла на подъем, и, взбираясь на горку, поток начал разгоняться, огибая замерший слева, у отбойника, старенький «субару», виновато мигающий «аварийкой». Холмы вокруг были зелены, вдалеке, на востоке, уже дрожал в мареве горячего воздуха и ослепительного света белый город, рассыпанный по склонам древних ветхих гор.

Имя города на протяжении тысяч лет заставляло быстрее биться сотни миллионов сердец, отданных разным богам, разным конфессиям и религиям. Ради обладания этим городом умирали, принимали муки, проливали кровь, предавали, совершали подвиги люди разных национальностей, разного цвета кожи, разных сословий. Этот город принимал всех и вот уже две тысячи лет разрывался на части от всеобщей любви к его святыням. Он много раз лежал в развалинах, и стены его равняли с землей, стараясь выжечь из памяти людской даже упоминания о нем, но снова и снова поднимался из пепла – великий и величественный город.

Город-мученик.

Город-Феникс.

Иерусалим.

Глава 3

Май 337 года н. э. Вифиния, Никомедия

Император умер ночью.

Сгорел быстро, в каких-то три дня. Еще в день Марса[25 - День Марса – римское наименование вторника Dies Martis.] его было хорошо слышно в Верхней галерее резиденции – голос у Константина был зычный, командирский, способный

перекрыть шум битвы и топот атакующей конницы – император отдавал команды своим военачальникам не напрягаясь. Подготовка к войне с Персией шла полным ходом, до похода оставалось практически несколько недель.

«Теперь же поход не состоится, – подумал Афанасий. – И ждать надо не единения, к которому так стремился Константин, а великой смуты. Какое же может быть единение, если император своим завещанием положил начало расколу?»

Велик был Флавий Валерий Аврелий Константин, велик и мудр – спору нет! Но, поделив империю между сыновьями, сделал смуту неминуемой. Воистину мудрость в государственных вопросах не есть признак мудрости в вопросах семейных. Хотя для императора вопросы семьи – это вопросы наследования, а значит, так же важны для государства, как и выигранная война.

Возможно, Константин бы послушал советчиков и изменил завещание, да не случилось. В ночь на день Меркурия[26 - День Меркурия – римское наименование среды Dies Mercurii.] ему стало худо, лицо перекопилось, как от удара, налилось дурной кровью, и обильное кровопускание, сделанное придворным лекарем Анкусом, облегчения не принесло. Днем слабость настолько одолела императора, что он даже не смог встать с ложа, и по дворцу пошел шепоток, что его болезнь есть наказание Божье за жестокую казнь жены Фаусты и невинно убиенного сына – Криспа.

Многие верили.

Особенно те, кто слышал, как кричала угоравшая в бане Фауста. Жар убивал ее долго, несколько часов. По приказу императора, славившегося своей добротой и мягкостью к близким, баню топили с небольшими перерывами: не давая остыть, но и не раскаляя до невозможности. Когда тело Фаусты вынесли наружу, руки ее были разбиты до мяса о стены, а обожженная кожа полопалась, словно на запеченном поросенке. Из распухших губ вывалился толстый, похожий на коровий язык.

Константин на покойницу не стал даже смотреть. Так как Фауста христианкой не была, тело ее предали огню, причем с такой поспешностью, что стало понятно: гнев императора не утих и после ее смерти. Благо что бывшую императрицу не бросили на съедение собакам, а ведь могли.

В ночь на Юпитера[27 - День Юпитера – римское наименование четверга Dies Jovis.] Константин не спал ни минуты – только хрипло, с присвистом дышал. Лицо его осунулось, он с трудом глотал воду и ничего не ел. Левый глаз прикрыло опустившееся веко, рот скривился.

Под утро в спальню императора вереницей пошли священники, и Афанасий узнал в одном из них епископа Николая. Спустя полтора часа вышедший из императорской опочивальни пресвитер сообщил придворным, что император принял Христа, и, если Бог допустит, чтобы новообращенный умер, то Константин уйдет в мир иной, как христианин, а не как язычник. На все воля Всевышнего!

Человеку, столько сделавшему для веры и церкви, уходить в иной мир без опеки Божией было бы неправильно. И если слуги Господа понимали это, то сам Всевышний не мог не понимать. Душа хозяина будет спасена. И это прекрасно! Афанасий перекрестился и почувствовал, как радость наполняет его душу наравне с горечью утраты. Теперь даже смерть императора не выглядела настолько страшно. Что страшного в смерти, если хозяина ожидает вечная жизнь?

Сам Афанасий принял крещение давно, более десяти лет назад, будучи почти мальчишкой – ему едва исполнилось одиннадцать. Родителей своих он не знал: мать и отца заменил ему старый телохранитель Константина – Кезон. Кезон был язычник, причем убежденный, и последователей Христа не то чтобы не любил, но смеялся над ними, говоря, что не понимает, чем поклонение одному идолу отличается от поклонения многим. Впрочем, никакой злобы к верующим старый вояка не питал. В отряде телохранителей можно было встретить людей с разным цветом кожи, поклоняющихся разным богам. Константина, который даровал своим гражданам свободу вероисповедания, это не волновало – лишь бы служили преданно, а Кезон, обладавший природным нюхом на верных людей, никогда не ошибался с выбором. Так и жили и служили одному господину, принося дары к разным алтарям. Сам император тоже был язычником, но к христианству питал труднообъяснимую слабость и защищал последователей Иисуса с достойным уважением постоянно, не обижая остальных.

Может быть из-за того, что Константин оставался некрещеным, он не отдавал предпочтения ни одному из течений и привечал гностика Ария с его ересью не менее радушно, чем вспыльчивого, фанатичного до безумия святителя Николая. И именно поэтому пользовался авторитетом и уважением и среди христиан, еще

недавно подвергавшимся смертным гонениям и пыткам, и среди язычников, многие из которых еще недавно с удовольствием резали последователей Иисуса на куски, а теперь и сами могли с легкостью удостоиться такой участи.

Когда Кезон рассказал императору, что его приемный сын принял веру Христа, Константин лишь улыбнулся и сказал своим зычным голосом:

– Ну что ж, тем надежнее в будущем будет моя защита... Передай своему сыну, что меня не огорчил его выбор. Пусть его дух будет в согласии с сердцем, большего не может желать ни один человек!

Новообращенный эту фразу запомнил.

До прошлого года Афанасий с Кезоном охраняли императора вместе. В январе Кезон умер – не от старости, а так, как хотел: в седле. Вот только согнуться в бою за господина не получилось! Старик погиб, сорвавшись вместе с лошадью со скалы во время охоты. Впрочем, это тоже было достойной кончиной: все-таки не в постели, не среди дрожащих лекарей и перепачканных блевотой подушек! Падение практически не изуродовало все еще мощное тело начальника императорской стражи, хотя удар спиной и затылком о камень убил его за доли секунды. Когда спутники спустились в ущелье, труп лежал навзничь, широко раскинув руки в стороны. На губах старика застыла улыбка, глаза не мигая смотрели на низкое солнце. Он даже в смерти не выпустил меча...

Так Афанасий остался один, потеряв того, кого привык считать отцом. Он был готов отдать за хозяина жизнь и отдал бы, если бы императору грозили мечом или кинжалом. Но Константина убивал недуг, а у болезни нет лица, нет тела, нет сердца! Ее не отразишь, не отгонишь прочь, не подставишь под ее смертельный удар собственную грудь. И от щуплого лекаря сейчас зависело больше, чем от всей императорской стражи, расставленной бдеть по темным галереям.

И еще – зависело от Бога.

Афанасий широко перекрестился и зашевелил губами, читая молитву во спасение.

Пусть он проявит милосердие к новому рабу своему, пусть пощадит...

Но Господь был глух к молитвам. Наверное, Он все решил до того...

Когда под утро Константин начал дышать, как кузнечные мехи (Афанасий подумал, что, похоже, кто-то дышит внутри усохшего за эти часы тела императора – кто-то чужой, забравшийся в умирающую оболочку), и приведенный стражей осунувшийся, испуганный врач только развел руками, стало понятно, что счет пошел на часы.

Но, как оказалось, даже не на часы, на минуты...

Грудь императора с присвистом приподнялась, внутри нее что-то булькнуло, и воздух начал выходить из обмякшего тела сам по себе, с едва слышным шипением. Медленно отвалилась нижняя челюсть, еще вчера вечером выбритая брадобреем, но успевшая к утру покрыться белой клочковатой щетинкой. Выпятился ставший крупным, как обглоданный мослак, кадык.

Сын добрейшего Констанция Хлора и мудрой Елены, твердой рукой правивший Римской империей без малого 31 год, бывший язычник, сделавший для веры и церкви больше, чем тысячи обращенных праведников, предстал пред глаза Господа.

Афанасий поцеловал желтую, начинающую остывать руку покойного (от кожи пахло настоями трав и горечью смерти), перекрестился и вышел с докладом епископу Николаю, представлявшему при дворе Константина интересы папы Сильвестра.

Он готов был рыдать, но душа его пела – не оттого, что смерть взяла свое, а оттого, что Афанасий впервые за много лет почувствовал себя свободным. От этого смешанного, постыдного в обстоятельствах всеобщего траура чувства он чувствовал себя неловко, словно на глазах у всех занимался грехом рукоблудия и был пойман! Но несмотря на стыд, несмотря на острое чувство утраты, он понимал, что день этот открывает ему иную, отличную от пройденной, дорогу.

Только что умер тот, кого и днем и ночью завещал защищать приемный отец.

Работа телохранителя закончилась.

Теперь, когда императора не стало, Афанасий мог полностью посвятить себя служению, выше и лучше которого не представлял – служению Господу.

Душа императора покинула земную юдоль, у бездыханного тела суетились слуги и насмерть перепуганный лекарь Анкус. В коридорах шептались всю ночь не сомкнувшие глаз слуги. Дворец начал просыпаться на несколько часов раньше обычного – страшная весть разогнала сон, как ветер рассеивает легкий туман, спустившийся в долины с горных отрогов.

Из уст в уста...

Афанасий склонил голову и заставил себя не думать о долгожданной свободе – не подобает императорскому телохранителю думать о дальнейшей жизни, пока не закончены дела сегодняшние, пока не предано земле тело Константина, пока не исполнена его воля. Будет время порадоваться, но долг – прежде всего!

В покоях епископа тоже никто не спал.

Сам епископ, нестарый еще человек, крепкий, седой, с густой бородой и глубоко посаженными водянистыми глазами, и его секретарь, похожий силуэтом на нахохлившегося ворона, явно и не ложились.

Коптили, играя тенями на камне стен, факелы. На столах горели, бросая вокруг себя мягкие круги света, толстые свечи – комната дрожала, словно от страха или от холода. Или от дурных предчувствий... Впрочем, все что могло случиться плохого в эту ночь, уже произошло.

Когда телохранитель покойного вошел в покои, епископ встретил его прямым, пронизывающим насквозь взглядом.

Глаза его, несмотря на две бессонные ночи, смотрели ясно, почти не мигая, и в их глубине была сокрыта такая жесткость и упрямство, что Афанасий, видевший за свою недолгую жизнь немало отчаянных бойцов, невольно подумал, что случись вдруг между ним и обладателем этого взгляда ссора, то исход ее зависел бы не столь от бойцовских умений, сколь от силы характеров. А характер у епископа был крут! Ох как крут! И еще у него был взгляд не ведающего жалости волка. В нем не было ни смирения, ни сочувствия, приличествующих высокому сану – только лишь железная убежденность в

собственной правоте и правоте учения, которое епископ представлял.

Он воистину внушал трепет.

«Воин Божий, – подумал Афанасий, склоняя голову в почтительном поклоне. – Да пожалеет Господь того, на кого падет твой гнев!»

– Умер? – спросил Николай с утверждающей интонацией. – Он умер?

– Да, отец мой... – ответил Афанасий, не поднимая взгляда.

– Мучился перед смертью?

– Нет. Отошел без мук. Сознание к нему так и не возвращалось.

– Ну, вот и все... – сказал епископ с неожиданно искренней грустью в голосе. – Да будет ему земля пухом во веки веков. Аминь.

Афанасий ничего не ответил, только перекрестился вслед Николаю и снова склонил шею в поклоне.

Епископ прошелся по комнате, отведенной ему под покои, раскачиваясь, с трудом переставляя распухшие подагрические ступни. Лицо его было мрачным, брови насуплены, край узкого рта недовольно и нервно подергивался. У окна, выходящего на восток, он остановился и замер, упершись взглядом в рассвет, заложив руки за спину, явно приводя мысли и душевное состояние к спокойствию.

– Я хочу поговорить с тобой, Афанасий, – произнес он своим высоким, резким, как визг ребенка, голосом.

– Я слушаю вас, отец мой.

Николай обернулся и резким жестом руки отправил секретаря, в ожидании замершего в углу над списками, прочь. Писчий ссутулился, по-вороньи же складывая крылья широкой сутаны, встал да плавно и почти неслышно скользнул за порог, аккуратно прикрыв за собой набранную из дубовых досок

дверь.

Лязгнула щеколда.

– Достаточно ли ты тверд в вере своей? – вымолвил священнослужитель негромко. Афанасию даже пришлось напрячь слух, чтобы разобрать, что говорит собеседник.

Вопрос прозвучал настолько мягко и осторожно, что, казалось, его задал не Николай, а совершенно другой человек. Даже визгливые интонации, свойственные голосу епископа, внезапно исчезли.

– Могу ли я доверять тебе?

И взгляд священнослужителя стал другим.

Нет, жесткость из него никуда не делась, а вот угроза, от которой по спине волнами бежал холод, исчезла. Вернее не исчезла, Афанасий хорошо разобрался в людях – притаилась до времени.

– Готов ли ты послужить церкви так же преданно, до последнего вздоха, как служил Константину?

– Да.

– Хорошо. Тогда скажи мне, что ты думаешь об арианстве?

– Ничего, отец мой. Это ересь, что о ней думать? Господь знает, кто прав, а кто заблуждается. Он наставит заблудших на путь истинный.

– Вот, значит, как... – Николай усмехнулся. – Достойный ответ. Думаю, что самого Ария он бы изрядно огорчил. Значит, учение Ария тебя не волнует? Хорошо. Но ведь твой хозяин был благосклонен к Арию и его ученикам. Как ты думаешь – почему?

– Покойный император был добрый человек, отец мой. Он не делил людей по вероисповеданию, только по делам их...

– Так он, по-твоему, был добр? Интересно, что бы тебе на это ответила Фауста...

– Добрый человек, – сказал Афанасий осторожно, – пока живет, совершает разные поступки. Иногда добрые, иногда злые. Весь вопрос – каких под конец жизни будет больше? За что, в результате, придется держать ответ?

– Хорошо сказано, – заметил Николай мимоходом и снова зашагал по комнате.

Тени от горящих факелов так играли на его лице, что рассмотреть застывшее на нем выражение было практически невозможно. Но Афанасий чутьем своим ощущал, что Николай раздумывает и мысли его недобры.

Дожить бы до утра, подумал начальник императорской стражи с внезапной тоской.

А рассвет все не наступал, хотя небо за окнами уже налилось красным и внизу, в оживавшем под первыми лучами саду, всюду кричали соловьи.

– Не просто хорошо сказано, а неожиданно хорошо сказано для того, кто призван хранить чужое тело и не обязан заботиться даже о собственной душе. Наверное, много думаешь о сути вещей, Афанасий? Ты слишком умен для воина. Слишком. Это не похвала, я не люблю умных – в них слишком мало истинной веры. А сомнений выше меры... Надеюсь, ты не такой. Впрочем, посмотрим... Ты учился?

– Да, отец мой.

– Это заметно. И я не знаю, хорошо или плохо будет сказываться твоя образованность на деле, которое я хочу тебе поручить...

– Это вам решать, святой отец.

– Ты даже не подозреваешь, насколько ты прав! От моего решения, – произнес Николай медленно, нарочито медленно, так, чтобы до собеседника наверняка дошел смысл каждой произнесенной фразы, каждого слова, – будет зависеть многое, сын мой. Жизнь твоя и смерть, например. Потому что если я посвящу тебя в свой замысел и усомнюсь – тебе не жить, Афанасий. Ответственность моя перед верой так велика, что кровью мне рук не запятнать – она будет

прозрачной водой на них! Мне простится все, что я не совершу. Убийство – самая малая цена за успех задуманного. Вины моей в чужих смертях не будет – только почет. И в глазах Бога, и в глазах церкви я останусь чист.

– Мал человек, ничтожен перед целями Господа, – сказал Афанасий. – Жизнь его не стоит ничего, кому как не мне знать это? Меня учили отнимать жизни с самого детства. Это суть моего ремесла – отнять чужую жизнь, чтобы сохранить жизнь императора. Но даже когда человек мал, дела его могут быть велики – все зависит от цели, что он перед собой ставит. И если вы, святой отец, так уверены, что вам все простится, то пусть вам воздастся по вере вашей. Мой же долг на эту минуту исполнен. Раньше у меня было две клятвы – одна императору, другая Господу нашему, Иисусу Христу. И та, что я дал императору – была дана первой. Теперь же осталась одна, отче. Вам решать – доверять мне или не доверять. Господу же решать – жить мне или умереть. Больше некому.

Горячим воском истекли минуты.

– Хорош был твой наставник, – ответил епископ чуть погодя и недобро сверкнул из-под седых бровей водянистым глазом. – И ты ему под стать. Спрошу еще раз, не о вере твоей – вижу, что ты веруешь! – а о том, готов ли ты за веру свою делать не то, что велит тебе Бог, а то, что сделает церковь твою неуязвимой во веки веков? Готов ли ты творить зло ради добра, чтобы вечно славилось имя Его?

В покоях воцарилось молчание, нарушаемое только треском пламени да соловьиными трелями в саду. Оба молчали. В комнате стало серо, и собеседники без труда видели лица друг друга. Молодой телохранитель почившего императора был бледен, на щеках же седого епископа выступили красные яркие пятна.

– Только не спрашивай меня, что такое зло, – произнес Николай с нехорошей усмешкой. – Вопрос написан у тебя на лице, Афанасий, хоть ты и не задаешь его вслух! Я этого не знаю. И что такое добро – не знаю. Никто этого не знает, один Бог! Но зато я знаю, что полезно для нашего дела и нашей Церкви. И для того, чтобы ответить на мой вопрос, тебе надо будет решить – доверяешь ли ты мне так, как доверял своему императору? Если скажешь «нет» – ты уйдешь отсюда и проживешь жизнь так, как хочешь – пока мы еще не коснулись никакой тайны. Если скажешь «да» – ты проживешь ее, как надо Церкви и Богу, но об истинной твоей роли, о сути твоего служения Господу мир не узнает ничего. Ничего и никогда! Но ты и твои потомки вкусят плоды этого служения.

Афанасий молчал.

– Это просто, – сказал епископ, не снимая с лица улыбку, похожую на гримасу. – Так же просто, как прыгнуть с крепостной стены с Его именем на устах и уцелеть. Или прыгнуть и умереть во славу Его. Всего-навсего – вопрос веры. Так да или нет, сын мой? Решайся же! Да или нет? Пока новый день еще не наступил...

– Почему я? – спросил Афанасий с мукой в голосе.

Наверное, он хотел бы ее скрыть, но страдание прорвалось сквозь нарочито бесстрастную интонацию.

– Потому, что в Доме Божиим тебя никто не знает, но при том ты истый христианин. Ты всю жизнь свою был тенью императора и никогда не участвовал в делах Церкви, но ты истый ее слуга. Ты человек с мечом! Воин Господа, умеющий не только молиться, но и убивать. Ты молод и имеешь время на осуществление моего плана, а он требует многих лет труда! Я думаю, что знаю тебя, я наблюдал за тобой более трех лет, и уверен, что ты справишься с заданием. И наконец – ты искренне веруешь, и это главное, что есть в тебе. Без искренности в вере ты никогда не сможешь стать тем, кем должен стать. Мне нужен тот, кто не будет ведать сомнений. Достаточно у меня причин, чтобы избрать тебя из всех? Как ты думаешь, сын мой?

– Да, святой отец, вполне достаточно...

Солнце наконец-то вынырнуло из-за горизонта, и в покои епископа хлынул яркий, режущий покрасневшие от бессонницы последних дней глаза Афанасия.

– Да, ты не знаешь, что я тебе предназначил, но все-таки я спрошу тебя еще раз: пойдешь ли ты по дороге, которую я открою тебе? Каков твой ответ, сын мой?

Слова с трудом пробивали себе путь сквозь гортань бывшего императорского телохранителя, но все же – пробивали. Епископ был неплохим психологом. Если бы этот разговор состоялся не в тот момент, когда Афанасий второй раз в жизни чувствовал себя осиротевшим, хоть и свободным, а несколькими днями позже, когда острое чувство потери близкого человека сошло бы на нет, сменившись

тупой болью от утраты, а радость обретения собственного пути стала бы нестыдной и зримой – и ответ был бы совершенно другим.

Но Николай вовремя подхватил выпавший из мертвых рук Константина флаг.

И ответ прозвучал.

Именно такой ответ, какой епископом и ожидался:

– Да. Распоряжайтесь мной, святой отец.

– Вот и хорошо, – сказал епископ с максимально возможной лаской в голосе. Он не сдержался и удовлетворенно потер друг о друга поеденные подагрой кисти. Глаза его сверкнули красным, и он, отвернувшись, поспешно прикрыл их веками.

Дело было сделано. Или, во всяком случае, ему было положено желаемое начало!

– Как тебя звали до крещения, сын мой?

«Он ведь знает ответ, – подумал Афанасий, глядя в глаза новому принципалу. – Он все обо мне знает!»

– Сервий, отец мой...

– Хорошее имя. Отныне забудь имя «Афанасий»! Сервий! Ты будешь зваться только так, потому что с этой минуты официальная церковь не имеет к тебе и делам твоим никакого касательства. Ты никогда не был крещен. Ты никогда не переступишь порога храма для молитвы или покаяния. Но... Служить и защищать Церковь – это твоя святая обязанность. Жить для нее и молчать об этом. С сегодняшнего дня и до конца времен... Амен!

Николай протянул Сервию свою руку с раздутыми от болезни суставами и красноватой нездоровой кожей, пахнущую лекарственными притираниями и хворью. На безымянном пальце блестел черным камнем массивный перстень.

Бывший императорский телохранитель склонился в поклоне и на мгновение замер, застыв губами над кольцом.

Но только на мгновение.

Так и не подняв на епископа глаз, чтобы не передумать, он приник к черному камню в поцелуе...

Глава 4

Апрель 73 года н. э. Иудея, крепость Мецада

Ночью с севера задул ветер.

Здесь, на высоте, дыхание прохлады ощущалось сильнее, чем внизу, но Иегуда знал, что и в лагерях, светившихся кострами и факелами у подножия горы, осаждавшие вздохнули с облегчением. Луна выросла лишь до половины и еще не давала достаточно света, но ее холодные блики уже гуляли по поверхности Асфальтового озера.

Если подойти к южным стенам крепости, то с обрыва можно было бы увидеть, как светятся сторожевые огни на здании порта, а справа мерцают на вершине горы костры римского лагеря, разбитого на господствующем плато. Море плескалось невдалеке от подошвы горы, оставив между густой от соли водой и бурными, громоздящимися друг на друга камнями узкую полоску суши с пробитой между скалами то ли дорогой, то ли тропой.

От ночного холода заломило спину, заныли суставы, и Иегуда, кряхтя, заковылял по тропинке, ведущей на верхнюю террасу Северного дворца. Когда Ирод Великий строил Мецаду на месте полуразрушенной хасмонеи[28 - Хасмонеи (ивр. Хашмонаим) – священнический род из поселения Модии (которое располагалось на границе Иудеи и Самарии), к которому принадлежали Маккавеи. Потомки Хасмонеев правили Иудеей с 152 по 37 до н. э. Фактически они были вождями народа с начала восстания против Селевкидской Сирии в 167 году до н. э.] крепости, его рукой явно водил Бог. Даже по прошествии стольких

лет со времени его смерти дворцы твердыни вызывали восхищение красотой планировки и прочностью строения.

Иегуда невольно расправил плечи, представив себе царя Иудеи, так никогда и не ставшего Царем иудейским, идущего той же дорогой, что сейчас шел он. Только Ироду не пришлось бы пробираться к входу в свои покои в неверной полутьме факельного мерцания.

Он шел бы в окружении своей идумейской стражи, молчаливой, суровой и жестокой, как сам царь, и над головами рабов-факельщиков разрывали бы тьму десятки клубков огня. Охрана бы ступала решительно, но мягко – говорили, что Ирод не выносил громких звуков и металлического бряцания, поэтому доспехи идумейцев-телохранителей были подогнаны идеально. Царь шагал бы в окружении живой стены (в последние годы он практически никогда и нигде не передвигался без охраны), мимо входа в Западный дворец и нынешнего здания синагоги, бывшего тогда всего лишь хлевом, поворачивал бы направо, к складам, и офицеры бы расступались перед маленьким отрядом, когда он вступал на территорию гарнизона, превращающую Северный дворец в крепость внутри крепости.

Иегуда ковылял вдоль бывших казарм и складов, промежутки между двойными стенами которых до сих пор были плотно, словно мышинные норы ворованным зерном, забиты припасами: кувшины с пшеницей, чечевицей, завяленными фруктами и овощами, оливковым маслом, туши овец и коров, многие из которых хранились здесь уже не один десяток лет, соль, кадки с медом...

Если что и могло погубить осажденных, то никак не голод и не жажда. Воды в цистернах и еды в кладовых при экономном расходовании хватило бы на много лет.

Путь вел Иегуду мимо здания бань (некогда роскошных, украшенных сложными орнаментами по штукатурке), в которых теперь коптили наскоро сложенные очаги...

Осажденным нужно было готовить себе пищу, и некогда роскошные термы с их двойными полами, выложенными керамической плиткой, как нельзя лучше подходили для устройства кухонь.

Попавших в осаду было много для сравнительно небольшой крепости, возведенной на плоском плато на вершине горы, – раньше гарнизон не превышал двух сотен человек, нынче здесь ютилась целая тысяча. Много для того, чтобы расположиться с комфортом, но слишком мало для того, чтобы выстоять при серьезном штурме. Что значит тысяча человек против многотысячного римского войска, обложившего Мецаду со всех сторон?

Да, будь в крепости тысяча воинов, а так... Не войско, а с миру по нитке! Женщины, дети, жалкие остатки тех, кто оборонял Ершалаим, несколько чудом уцелевших отшельников из Кумрана...[29 - Кумран – область на западном побережье Мертвого моря, где некогда существовало поселение ессеев (см. ессеи). Стало широко известно после нахождения в пещерах неподалеку пергаментов с древними рукописями, относящимися к I веку н. э.] Последователи Иегуды Галилеянина – непримиримые сикарии, последователи Иоанна Гискальского и Шимона бен Гиоры,[30 - Шимон (Симон) бен Гиора – один из вождей повстанцев, предводитель престонародья известен как победитель войск Цестия Галла, направленного на усмирение восстания в Иудее. Впоследствии был привезен в Рим вместе с Иоанном Гискальским (еще одним вождем повстанцев, но возглавлявшим другую партию, партию образованных людей), после триумфа сына Веспасиана Тита, казнен. Иоанн Гискальский был брошен в тюрьму, где и умер. Третьим вождем восстания, предводителем священнической партии, был Элезар бен Яир, руководивший гарнизоном Мецады.] плененных Титом при взятии Ершалаима. Просто пришлый сброд, достойный позорной смерти по любым законам – еврейским ли, римским ли, разницы не было. Убийцы, грабители, беглецы, философы, отшельники – пена, вынесенная войной в Мецаду, сейчас стояли здесь, под снарядами римских баллист, плечом к плечу с ревнителями-зелотами, сикариями и просто теми, кто видел смысл жизни в том, чтобы последний римлянин покинул землю Иудеи или умер.

Они, конечно, были разными по убеждениям и целям, но одинаково жестокими и к своим, и к чужим, – потому что давно уже не видели разницы между своими и чужими. Они настолько привыкли к крови на своих руках, что не существовало в мире миквы,[31 - Миква (в ашкеназских диалектах – Миквэ, ивр. – миквам или миквем, букв. «скопление [воды]») – водный резервуар для омовения (твила) с целью очищения от ритуальной нечистоты. Миква представляет собой резервуар около 100 м

. Бассейн два на три метра.] способной очистить их от греха. И свидетелями тому были восемь сотен евреев, жителей Эйн-Геди,[32 - Эйн-Геди - оазис в ущелье Нахаль-Давид, по преданию здесь Давид скрывался от преследования царя Саула, здесь же располагалась знаменитая на весь Древний мир плантация бальзамовых деревьев, из ветвей и листьев которых производили бальзам «афарсемон» или «опобальзамон», ценящийся на вес золота. Право на его производство было даровано Римом Ироду Великому. По свидетельству Йосифа Флавия, в конце Второго Иудейского восстания, оазис был разграблен зелотами из числа защитников Мецады, все его жители, числом 800, включая женщин и детей, убиты.] павших от рук своих соплеменников.

Иегуда вздохнул.

Нет больше Эйн-Геди, никто не скрылся в благословенных ущельях, никто не спасся от мечей сикариев Мецады, никто не спрятался, как некогда прятался в этих пещерах молодой Давид от царя Саула. Там, где на тысячах дунамов[33 - Дунам (от тур. дцпът) - единица измерения площади, служащая для измерения площади земельных участков в странах, находившихся в прошлом под властью Османской империи: Израиль, Турция, Ливан, Сирия, Иордания, Ирак, Северный Кипр, Ливия, а также в странах бывшей Югославии. Метрический дунам, используемый сейчас в Израиле, Ливане, Иордании и Турции, равен 1000 м².] колосились злаки, где многие сотни овец и коз находили себе пропитание, где бальзамовые деревья сочились драгоценным соком, нынче носятся только дикие козлы и газели, да грозно рычат в ночи леопарды и ливийские кошки до сих пор таскают по скалам обглоданные человеческие кости.

И надпись на полу в тамошней синагоге уже никого не испугает:

Если кто раздор меж людьми вызывает, Или ближнего в глазах иноверцев порочит, Или что-либо у него похищает, Или тайны города раскрывает иноверцам... Тот, кто взором Своим объемлет землю, Взыщет Он с такого человека, И с потомства его... Истребит Он его с лица земли, Народ же скажет: Амен и амен! Села!

«Грозен наш Бог, - подумал Иегуда, шагая все размахистее и легче. - Грозен Иегова и никогда не забывает обид. Только слишком часто смотрит в другую сторону, когда одни, восславляющие его имя, творят беззаконие над другими, верующими в него, Единого.

И когда горел Храм – небеса не разверзлись, и с хлябей небесных на пламя не пролился обильный дождь.

И когда римляне тащили из Святой Святыни драгоценные занавеси и утварь – он молчал. Может быть, он согласился с тем, что случилось? Наказал нас за то, что мы не нашли согласия меж собою даже перед лицом врага? Ведь стер же он с лица земли Содом и Гоморру? Но неужели в целом Ершалаиме не нашлось двадцати праведников, чтобы заслужить его прощение? Всего лишь двадцати из полумиллиона погибших в его стенах?

Среди женщин и детей, умерших от голода, растерзанных в схватках между защитниками города, павших от римского железа и заживо сгоревших в огне, неужели не было праведников, Господи?

Среди пекарей, ремесленников, ткачей, сапожников, бондарей, гончаров, землепашцев, виноделов, пришедших к Храму на праздник Пейсах с жертвенными агнцами для тебя, Яхве, на плечах – разве среди них не было праведников? Теперь тела их уже сгнили в Геене,[34 - Геена – долина Енном, овраг к юго-востоку от Иерусалима, где совершались языческие обряды с поклонением Молоху и принесением человеческих жертв. Позднее это место было проклято и превращено в свалку мусора и непогребённых трупов, где постоянно горели огни, уничтожавшие гниение. Позже, в религиозной христианской мифологии – место, где по религиозным представлениям души грешников после их смерти подвергаются вечным мукам, – перен. источник мучений, страданий.] и не разберешь, кто из них умер с твоим именем на устах, а кто с проклятиями. Кто защищал твой дом, Господи, а кто просто не успел уйти, пока Тит не замкнул земляной вал? Слышал ли ты, Господи, как кричали верующие в тебя, умирая на крестах под стенами города?»

Он невольно взглянул в высокое прозрачное небо, заполненное светящейся пылью и яркими, как граненые нубийские камни, звездами, испуганно дрожащими под легким прохладным ветерком.

Никого.

Даже след падающей звезды не прочертил неба.

Яхве ничего не слышал.

Как всегда.

Яхве не плакал.

Как всегда.

Но будем надеяться, что он действительно не забывает обид.

Как всегда.

Перед входом в короткую анфиладу караульных помещений, ведущих в Северный дворец, Иегуду остановила стража, но возглавлявший караул бен Канвон узнал старика и не только пропустил, но и вежливо ему кивнул с высоты своего огромного роста.

Бен Канвон был одним из приближенных Элезара, ставший его другом и личным телохранителем задолго до осады Ершалаима. Кроме роста и невероятной физической силы, его отличал скверный характер и зычный, словно иерихонова труба, голос.

Именно его луженая глотка была основным устройством для ведения переговоров с осаждавшими в тех случаях, когда бен Яиру хотелось их позлить. Бен Канвон орал так, что даже римляне, стоявшие лагерем на восточной стороне, у начала Змеиной тропы, слышали его ругательства в адрес Флавия Сильвы, брошенные вниз со стороны западной.

Именно там, на западе, располагался основной лагерь Десятого легиона.

Именно там вереницы рабов-евреев под руководством римских инженеров и под бичами римских же десятников день и ночь строили насыпь для того, чтобы подвести осадные башни к стене Западного дворца.

В этом месте к Мецаде поднималась похожая на хребет крокодила скала, и именно ее использовали строители, чтобы преодолеть пропасть, ограждавшую Иродово гнездо надежнее, чем рукотворные башни. День за днем, ночь за ночью, укрывая строителей и рабов от стрел навесами из дерева и мокрых шкур, люди Сильвы возводили насыпь. И с каждым часом она становилась все выше,

приближая ту минуту, когда воины Десятого хлынут вовнутрь Мецады, не щадя никого.

Восемь тысяч человек.

Восемь лагерей.

Тысячи пленных евреев, бредущих туда и обратно с корзинами, наполненными красноватой сухой землей и камнями. Еще несколько сотен постоянно, с той же насекомой настойчивостью, сновали между подножием горы и источниками Эйн-Геди, таская за спиной объемистые мехи с водой да глиняные кувшины на широких наплечных лямках.

Иегуда часто смотрел сверху на то, как копошится внизу этот огромный, безупречно функционирующий, не знающий отдыха и сна людской муравейник. Он, переживший осаду Иерусалима, знал, что римская армия не дает сбоя, и те победы, которые воодушевили народ Иудеи к войне с Империей, просто подтолкнули страну на край пропасти. Чудовищный механизм, громадная, не знающая усталости стенобитная машина Рима пришла в движение в ответ на непокорность евреев. Заскрипели великанские колеса, надетые на оси, вытесанные из цельных стволов кедра и обильно умащенные бараньим жиром. Окованная железом башня Империи качнулась на какой-то миг у своих юго-восточных пределов, но устояла и двинулась на возомнившую о себе Иудею.

И спасения уже не было.

Это была долгая война. Семь долгих, кровавых лет. Сотни тысяч погибших.

Шаг за шагом.

Крепость за крепостью.

Город за городом.

Тех, кто не пал ниц – уничтожали в первую очередь. Тех, кто пал ниц – уничтожали во вторую очередь.

Год за годом.

Лето, осень, зима, снова лето.

Империя вечна. Империи некуда спешить. Она ползла на юг, отвоевывая обратно то, что евреи уже посчитали своим, оставляя за собой сгоревшие города, сожженные сады, вырубленные рощи, тысячи распятых, сотни тысяч убитых.

Шаг за шагом.

Медленно, методично, привычно смакуя собственную мощь, наслаждаясь запахом крови бунтовщиков, их предсмертной агонией. Какая разница, когда закончится этот поход? Пусть он будет долог! Пусть слухи о жестокости Тита Веспасиана достигнут самых дальних пределов тетрархии и, искаженные до неузнаваемости, вернутся обратно! Пусть от рассказов о сваренных заживо бунтовщиках, о расклеванных вороньем распятых стынет кровь матерей и плачут дети в утробах! Пусть! Ведь карая огнем и мечом одних мятежников, ты охлаждаешь горячие головы других и трупами выстилаешь себе путь к новым победам!

Катился к югу кровавый вал. Войска Тита топтали Землю обетованную с наслаждением насильника, сломавшего сопротивление пленницы.

Тит же млея в жарких объятиях Береники[35 - Береника - правнучка царя Ирода Великого, дочь израильского царя Агриппы I и любовница римского императора Тита Веспасиана.] и ждал, пока Ершалаим сам падет ему в руки переспелым фиговым плодом. И начал штурм только тогда, когда междуособицы и голод уже ослабили город. Но даже обескровленный братоубийственной резней, доведенный до людоедства Ершалаим продолжал сопротивляться сыну Веспасиана.

Он продолжал сопротивляться и тогда, когда римские войска вошли в его стены, и тогда, когда запылал Храм. И даже после того, как белые стены, возведенные на века, рухнули, последние из защитников не сложили оружия.

Рим неумолимо заглатывал Иудею, как питон заглатывает добычу - медленно, жадно, неумолимо.

«Питон, притаившийся в зарослях тамариска, чтобы ухватить пришедшего к ручью дамана,[36 - Даманы, жиряки (лат. Hyracoidea) – небольшие, коренастые, травоядные млекопитающие, насчитывающие четыре вида. Обитают в Африке и на Среднем Востоке. Несмотря на заурядную внешность современных даманов, они имеют далекое доисторическое происхождение. Даманы, возможно, ближайšie родственники современных слонов.] – именно тот образ, – подумал Иегуда. – Они обвили нас кольцом, душат и ни на секунду не спускают глаз!»

Он невольно поежился, словно плечей его коснулся чужой, враждебный взгляд – хотя во тьме ночи наблюдатели, расположившиеся на юге, на возвышавшемся над Мецадой горном плато, не могли видеть ничего, кроме мельтешащих факельных огней бдящей стражи да тусклого мерцания догорающих в очагах углей. А уж тем более не заметили бы его, шагнувшего меж двух колонн, обозначивших вход в Северный дворец. Он знал, где найти Элезара. Последний из вождей восстания любил сидеть на террасе, у самого края площадки, под которой на расстоянии более семидесяти локтей простиралась строения второго яруса дворца, а еще на сорок локтей ниже – галереи последнего третьего яруса.

Прислушиваясь к раздававшемуся в полумраке дыханию спящих (здесь, в четырех комнатах бывших Иродовых покоев, спали несколько семей верхушки восставших и сменная стража самого бен Яира), Иегуда пересек зал, стараясь осторожно ступать по вымощенному черно-белой мозаикой полу, чтобы никого не разбудить, и вышел на воздух.

Увидев старика, выскользнувшего из темноты призраком, бен Яир молча кивнул и взмахнул рукой, предлагая Иегуде присесть. Нагретый за день камень медленно отдавал тепло, и Иегуда с удовольствием устроился на полу, опершись спиной на покрытую сгукко[37 - Сгукко – имитация мрамора, толстый слой штукатурки, обработанной особым образом.] колонну. Пока он садился, натруженные стариковские суставы трещали сломанными ветками – холод последнего часа и усталость сделали свое дело, превратив конечности в негнущиеся колоды.

«Что ж, – подумал Иегуда, – вскоре старость доест меня до костей. Проклятая обглодает проклятого. Но, видит Бог, я долго сопротивлялся ее хватке. Очень долго. Настолько долго, что мне некому и пожаловаться на одиночество...»

Перед ним простиралась пустыня. Но не темная и сонная, а шевелящаяся, ворочающаяся на жестком каменном ложе, наполненная светом более ярким,

чем свет луны. Костры, костры, костры... Сотни костров. Повсюду костры и факелы. На каждой сторожевой башне – стражник с мечом или луком в руке.

Интересно, что бы сказал Ирод, увидев все это? Ирод, который всю жизнь лавировал между иудеями и Римом, делая все, чтобы не допустить бунта и неизбежной кары за бунт? Мудрый и предусмотрительный Ирод, бывший другом Марка Антония и ставший верным слугой великому Августу? Жесточайший из правителей Иудеи, человек, боявшийся собственной тени, но давший евреям самый длительный в истории мир и разительное благополучие? Что бы он сказал, видя, как гибнет его страна? Как рассыпаются в прах построенные им крепости и города? Как рушатся стены великого Храма? Как сажа очагов пачкает фрески его личного убежища, его детища – Мецады. Крепости, возведенной для царской семьи, ныне последнего оплота некогда великой страны, погубленной жаждой власти, заигрыванием с чернью, показным патриотизмом и внутренней враждой...

Иегуда поймал себя на том, что думает о поражении и смерти так холодно, будто бы все уже кончено, и кровь вытекла из его жил, густея в сухом воздухе Иудейской пустыни. Это был холод опыта, холод давно обретенного знания, а старое знание вызывает в душе равнодушие – так ветер вызывает шелест листвы. Ему ли, уже умершему для всего мира в далекие весенние дни, бояться новой кончины? Право же, смешно! Разве страшно мертвецу умереть?

«А ведь я знаю, когда все произойдет, – подумал старик отстраненно. – Знаю наверняка. Даже день знаю. Роковой день, правда, друг мой? Неужто осталось так мало времени?»

Но тот, кто умер в этот ненавистный день много весен назад, молчал. Потому что мертвецы молчат, какие бы сказки не рассказывали бродячие волхвы да вечно голодные проповедники и актеры для развлечения народа.

Над Асфальтовым озером висел наполовину съеденный сыр луны, холодные белые блики скользили по темной воде, гонимые легким бризом, и на востоке, во мраке, вздымались вверх невидимые во тьме громады далеких гор.

Иегуда закрыл глаза, погружаясь в старческую полудрему, полную теней и голосов давно ушедших людей, истлевших запахов, стершихся чувств...

Хотя нет, по ту сторону реальности чувства не стерлись, и даже запахи...

Он чувствовал запах сырой рыбы, воды, подгнивших на солнце водорослей, как будто бы не балансировал между бытием и небытием в поднебесье на краю Иудейской пустыни семидесятипятилетний дряхлеющий старик, а шел по берегу Галилейского озера пружинистой легкой походкой молодой тридцатилетний человек, темнобородый и рыжеволосый...

Глава 5

Израиль, наши дни. Иудейская пустыня неподалеку от Мертвого моря

План передвигаться по ночам был хорош чисто теоретически.

Шагровский убедился в этом сразу же, как только они тронулись в путь. Иудейская пустыня – не Кара-Кум или какая-нибудь там Сахара. В сравнении со скалами, по которым беглецам приходилось пробираться в свете луны, прячась в глубоких черных тенях, пески могли показаться асфальтовым шоссе. Даже не будь Арин обессилена раной, жаждой и суточным переходом, им бы пришлось несладко, а уж учитывая, что и сам Шагровский энергией после всех приключений не фонтанировал – было совсем нехорошо.

За час они не преодолели и полукилометра, зато три раза едва не свернули себе шею, перебираясь через угловатые камни, на которых расселись скорпионы, и Валентин, оступившись, так рассадил себе локоть об острый скальный выступ, что рукав стал мокнуть кровью.

Квадроцикл, который еще недавно гудел мотором, как москит крыльями, где-то на пределе слышимости, теперь ревел неподалеку – злобно, мощно, угрожающе. Если прислушаться к эху, бродившему между скалами, то становилось понятно – в ущелье передвигаются несколько четырехколесных машин-«проходимцев».

По скалам, конечно, на них не полазишь, но для езды по высохшим руслам и каменному бездорожью здешних мест квадроциклы подходили как нельзя лучше. Погоня приближалась, обшаривая стены ущелья яркими бело-голубыми

лучами фар и портативных ксеноновых фонарей. Спрятаться от преследователей, конечно, было возможно. На поднимающихся к звездному небу скалах было полно выступов, кое-где валуны, наползая друг на друга, образовывали неровные стенки, похожие на искусственные укрепления, вдоль которых тянулись, переходя в языки осыпей, узкие, как ленты, козьи тропки. Спрятаться на склоне – это одно, а вот передвигаться по нему – совсем другое. Уйти от погони невозможно. Значит, то, что их найдут – вопрос времени. И как догадывался Шагровский, прислушиваясь к шуму мотоциклетных моторов, разрывающих ночь, достаточно короткого времени.

– Ты как? – спросил Валентин спутницу, невольно понижая голос.

– Бывало лучше, – отозвалась Арин хрипло.

В свете луны было видно, как сильно бьется жилка на ее шее.

– Но ничего... Идти я могу.

– Куда? – спросил Шагровский, невольно усмехнувшись, но в этой усмешке не было ничего общего с улыбкой. – Если мы пойдем понизу, нас догонят через пять минут. Ну через десять. Слышишь? Три квадроцикла, кажется?

– Похоже на то.

– Останемся здесь – вычислят к утру. До рассвета осталось совсем чуть-чуть...

– А если подняться наверх?

– С твоей рукой? Нереально. Думаю, что они и поверху пустят людей.

– Сидеть здесь и ждать, пока нас поймают – лучше?

– Конечно, нет... Но если мы сорвемся и разобьемся о камни, результат будет тот же...

Шагровский посмотрел на лежащий рядом с ним «узи» и крикнул от досады.

- Эх! Ни одного патрона к машинке нет...

- У них есть, - сказала Арин, показав подбородком в сторону, откуда приближалась погоня. - Сколько человек может быть на трех квадроциклах?

- Шесть максимум. Но вряд ли по такой дороге будут ехать по двое. Скорее всего - на каждой машине по одному водителю. А сзади - оружие, вода и все такое.

- Они не ждут от нас сопротивления, - торопливо выговорила девушка, сверкая глазами. - Они ждут, что мы будем бежать. Бежать и прятаться, как звери. Значит, мы должны все делать наоборот...

- Лечь у них на виду? - невесело пошутил Шагровский. - Хорошая идея. Впрочем, умереть, не мучаясь, неплохой выход. Так?

- Если придется умереть, то лучше уж забрать с собой кого-то из этих тварей...

Забывшись, Арин взмахнула раненой рукой и тут же вскрикнула от боли.

- Ты предлагаешь спрятаться за камнями и испугать их до смерти? У меня, кроме пустого автомата и швейцарского ножа в рюкзаке, ничего нет...

- Лучше, чем совсем ничего.

- Для рукопашного боя маловато будет...

- Оторви от рубашки полу, - попросила девушка. - И поищи палку. Если ты найдешь рычаг, то сможешь столкнуть вниз этот валун. Если никого не придавишь, так, по крайней мере, завалишь проезд.

- Ты всерьез думаешь на них напасть?

- Думаю, - отрезала Арин. - И нападую. Знаешь, ждать, пока меня зарежут, как овцу - это не мой стиль. Я умею кусаться.

Ткань рубахи оказалась прочной, и Валентин был вынужден воспользоваться ножом.

– Это зачем? – спросил он, протягивая отрезанное спутнице.

– Как маленький Давид победил Голиафа? – спросила Арин. Даже в темноте было видно, что, несмотря на смуглость кожи, она болезненно бледна. Капли пота обильно выступали на границе волос и катились по лицу одна за другой, хотя предрассветный холод и сопровождающая его сырость уже проникали под кожу и выворачивали натруженные суставы. – Я служила в армии, Вэл. Служила, как гражданка Израиля, пусть и арабского происхождения. И проходила курс выживания. Нас учили – пока у тебя есть руки и ноги, пока тебе не выбили зубы, не вырвали ногти – у тебя всегда есть оружие. Пора проверить это на практике...

Она, неловко двигая раненой рукой, сворачивала из ткани самодельную пращу.

– Не стой. Ищи рычаг. И найди несколько камней, чтобы были более-менее правильной формы, небольшие, но потяжелее. Хорошо, что мне не прострелили правую руку...

– Арин, давай мы найдем для тебя убежище, – начал было Шагровский, но девушка так сверкнула на него глазами исподлобья, что он запнулся на полуслове.

Звук моторов был слышен отчетливо, погоня сократила расстояние до полукилометра, а то и меньше. Казалось, еще минута-другая, и квадроциклы запрыгают по камням прямо под беглецами, полосуюя фарами рыжие глыбы, громоздящиеся вдоль сухого русла.

Валентин нашел полутораметровую сухую ветку, принесенную в ущелье одним из ливней, попробовал ее на прочность и остался доволен. Выбеленный зноем до белизны ствол звенел, касаясь камней, и был тяжел, как пудовая гиря.

Шагровский, матерясь сквозь зубы, подтащил импровизированный рычаг к нависшему над склоном валуну, но по пути едва не сверзился вниз, наступив на осыпь мелких камушков. Гравий зашуршал по скалам и сполз по ложбинке, словно причудливый ручеек, а чудом сохранивший равновесие Шагровский с облегчением рухнул рядом с Арин, сжимая в руках сук.

– Камни? – спросила девушка, примеряя пращу. – Камни принес?

Благо за метательными снарядами далеко ходить не пришлось. Буквально в десятке метров от валуна нашлась целая россыпь крупного серовато-коричневого галечника, похожего на голыши с кавказских пляжей – таких же гладких, увесистых, обкатанных водой.

Когда Шагровский возвращался к месту засады, в конце ущелья, там, где скалы уходили вправо, образуя уступ, но не на западе, откуда приближалась погоня, а на юго-востоке мелькнул свет, похожий на мерцание фонаря с подсевшими батареями. Валентин замер, едва не уронив камни, и уперся взглядом в то место, где только что видел вспышку.

Ничего. Наверное, показалось.

– Годится? – спросил он, вываливая гальку из подола рубашки. – Там еще есть...

Арин посмотрела на него снизу вверх и невесело улыбнулась.

– Если я успею бросить десяток камней – это значит, что мы с тобой круче, чем Бен-Гурион в молодые годы. У нас не так много шансов, Вэл. И не так много времени. Я давно не практиковалась с пращей, но когда-то на спор сбивала камнем пивную банку с сорока шагов. Но банка не ездил на квадроцикле и не стреляла в ответ из автомата.

Она села, привалившись к камню спиной, и принялась здоровой рукой перебирать камни, выбирая из принесенной Валентином кучки подходящие.

Шагровский уселся рядом и посмотрел на лицо Арин, высветленное бледным светом скатившейся к горизонту луны. Небо на востоке еще не начало розоветь, но до рассвета оставалось не более полутора часов. По узкой, как сабельное лезвие, тропе, прямо над их головами, простучали легкие копытца. Несколько каменных крошек полетели вниз, пощелкивая о валуны.

– Ты не обижайся, – сказала она, почувствовав на себе взгляд. – Я знаю, все мужчины болезненно реагируют, если за руль садится женщина. Но сейчас не те обстоятельства... Не злишься?

- А теперь скажи это по-русски...

Арин снова улыбнулась, на этот раз веселее, и повторила на другом языке.

- Не злишься?

По-русски в ее исполнении это прозвучало почти правильно, только шипящие оказались чуть длиннее, чем надо.

- Не злюсь. В сравнении с тобой - я ботаник.

- Ботаник? Ты же журналист? - удивилась девушка. - А... Это сленг?

- Да. Я даже в армии не служил...

- Вчера ты ловко управлялся с «узи».

- Я его в первый раз в руках держал. Это тлетворное влияние американских фильмов... В экспедициях научился из карабина стрелять. Там медведи были, так что пришлось взять пару уроков у егерей. Из пистолета дома в тире стрелял, доводилось. На военной кафедре из автомата пару раз... С друзьями ходили на пейнтбол.

- Здесь шариков с краской не будет.

- Я знаю.

- Обещай не делать глупостей и слушаться меня. Я видела, ты смелый, мне ничего не надо больше доказывать. Ты уже все доказал. Вчера, Вэл, ты меня спас. И может быть, еще кого-то спас, когда застрелил тех двоих на тропе. Но вчера те, кто напал, не ждали сопротивления. Сегодня они знают, что могут нарваться на неприятности. Значит, они станут осторожнее, злее и во много раз опаснее.

- Хорошо, - согласился Шагровский и осторожно взял в ладонь ее пальцы - грязные, исцарапанные и неожиданно тонкие, несмотря на немалую силу рук, которую Арин неоднократно демонстрировала. - Какие будут приказы,

командир?

- Для того чтобы удачно метнуть камень, мне надо спуститься ниже и чуть левее. Вот туда... - она показала подбородком на уступ над высохшим руслом, образованный двумя массивными обломками скал, вросших в землю в виде уродливо-толстой буквы «V». - Если я попаду, то они останутся ровно под тобой, и ты накроешь их валуном. На все про все - у тебя секунд тридцать, пока они будут перегруппировываться. Поэтому расшатай камень сейчас. Если ты не сбросишь его быстро, можешь этого не делать вообще.

- Понял. Что дальше?

Арин вздохнула.

- Сплошные «если». Если ты попадешь, у меня появится возможность сделать еще бросок...

- То есть - план на этом заканчивается? - спросил Шагровский.

- Да.

- Не густо. А если что-то пойдет не так?

- Значит, оно пойдет не так.

- И ты будешь сидеть прямо перед ними с десятком камней и куском моей рубашки?

Она пожала плечами.

- Мне не нравится твой план.

- Мне самой он не нравится. Но другого у меня нет.

По стенам ущелья уже плясали отблески квадроциклетных фар. Моторы ревели наполную, и голоса животных, еще десять минут назад наполнявших пустынную

ночь, испуганно стихли. Даже далекий рев леопарда замер в межгорье, столкнувшись с резким металлическим треском двигателей.

- А раз другого нет - по местам. Помоги мне спуститься, Вэл...

Когда они встали, Валентин не удержался и обнял Арин. Осторожно охватил за талию, стараясь не зацепить продырявленное предплечье. Сладковатый, нежный аромат ее кожи с трудом пробивался через запах пыли, пота и присохшей раны. От волос почему-то пахло порохом. Едва-едва, но пахло.

Она ответила на объятие, прижавшись к нему на несколько секунд, спрятав лицо у него в плече, потом подняла на него огромные темные глаза, приоткрыла было рот, но ничего не сказала, только качнула головой - то ли подтверждая обещания, данные взглядом, то ли раскаиваясь в них.

Шагровский помог Арин спуститься к «V», а к валуну возвращался уже бегом. Камень весил минимум килограммов триста, а может быть, и все полтонны. Во всяком случае, когда Валентин начал раскачивать его, пытаясь вставить деревянный рычаг в тонкий слой щебня, опоясывающий валун, первая попытка закончилась ничем. Шагровскому не хватило силы даже на миг нарушить равновесие глыбы в ее многовековом ложе. Он навалился на камень всем телом, оставив на время попытки забить сук под его основание. Спина хрустнула, но валун едва пошевелился. Шагровский был не уверен - возможно, это просто ему показалось. Прислушиваясь к реву моторов, треск которых уже метался в стенах ущелья, как брошенный в колодец теннисный мячик, Валентин повернулся к глыбе спиной. Примерился, пошевелил лопатками, чувствуя, как лопается тонкая корочка на боку и по коже начинает бежать теплая, разбавленная сукровицей, кровь, уперся ногами в скальную стенку и изо всех сил навалился на камень.

Спина заныла так, что он перестал чувствовать резь в ране, натруженные прыжками по скалам колени взорвались острой болью, щелкнули суставы, но камень сдвинулся вполне ощутимо. Используя энергию обратного движения, Шагровский качнул его еще раз, нащупал прислоненный рядом сук и, извернувшись, словно падающая с пальмовой кроны обезьяна, успел вставить конец рычага под основание. Дерево захрустело под весом валуна, но выдержало, и Валентин закрепил успех, продвинув ветку еще на несколько сантиметров вперед. Камень завис на краю впадины, в которой пролежал не одну сотню лет. Шагровский не почувствовал, а, скорее, услышал, как с

омерзительным шорохом по ногам побежали потревоженные насекомые.

И в этот момент квадроциклы въехали на открытый его взгляду участок.

Слух не подвел – машин было три. Массивные, покрытые блестящим лаком, подпрыгивающие на огромных колесах, похожие на чудовищных черных тараканов – их мощные фары пластали темноту, словно лезвия лазерных мечей из очередной серии «Звездных войн». Сравнение, конечно, отдавало банальщиной, но глядя на пляшущие световые столбы, Валентин никак не мог придумать чего-нибудь пооригинальнее.

Квадроциклов было три, а вот наездников – четверо. Одна машина, выглядевшая явно крупнее и мощнее остальных, несла на себе двоих седоков, две помельче – по одному. Все четверо преследователей экипировались полностью – в черном с головы до ног, за спинами автоматы, головы изуродованы наростами приборов ночного видения. Но все «ночники» оказались в нерабочем состоянии – откинутыми наверх. Пользоваться ими при движении с включенными фарами было небезопасно для сетчатки.

Первый квадроцикл перебрался через мелкую каменную россыпь, притормозил, объезжая плоский камень, лежащий поперек пути...

Шагровский замер в ожидании.

Не зная точного месторасположения Арин, можно было вполне не заметить начала атаки, но он знал, куда смотреть.

Видно, в свое время в армейской школе выживания у нее были хорошие наставники. Голова и верхняя часть корпуса девушки на миг возникли в середине буквы «V», движения руки Валентин не успел уловить, зато один из преследователей поймал головой двухсотграммовый голыш, пущенный со скоростью под сто метров в секунду. Расстояние между Арин и ее мишенью было не более тридцати шагов, но она успела скрыться в укрытии раньше, чем камень попал в цель, угодив ровно под ПНВ, в район надбровных дуг и переносицы. Охотника снесло с седла в мгновение ока, только ноги мелькнули в воздухе.

Звук треснувшего черепа прозвучал так громко, что на миг перекрыл вой движков, а вот крикнуть раненый не успел – автомат загремел по камням и

упавшее навзничь тело забилося в конвульсиях.

Рассматривать упавшего времени не было, Шагровский навалился на рычаг, более всего на свете боясь не справиться с весом или не успеть. Валун внезапно провалился, поддавшись, ухнул вниз по склону, пролетел первые несколько метров по воздуху, набирая скорость, а потом грохнул о низкую стесанную скалу и пошел вниз, словно пушечное ядро, рикошетирующее от морских волн.

Валентин потерял равновесие и сам едва не отправился вслед за своим снарядам, но умудрился удержаться на самом краю обрывчика, упав лицом вниз, в оставленную валуном впадину. Захрустели раздавленные насекомые, прямо перед лицом мелькнул расшвирипевший черный скорпион, но ударить Шагровского хвостом не успел: Валентин взлетел вверх с шипением, как наступивший на зеркало кот.

Краем глаза он увидел, как набравший приличную скорость камень вlepил в бок шедшему последним квадроциклу, смел его, протащил несколько метров и вбил, словно молотом, в огромную скалу, похожую на торчащий из земли хребет доисторического чудовища. Сначала со скрежетом смялся металл, потом дико закричал наездник, втиснутый между двумя валунами. Снизу ударил автомат – стреляли в сторону Шагровского, наугад.

Поливая из короткоствола окрестности, стрелок явно хотел напугать, не дать приблизиться, но попасть особо не надеялся. Валентин припал к теплому камню, а струя свинца хлестнула сначала на пару метров ниже, а потом ушла выше и левее. Стрелял пассажир второго квадроцикла – он даже не встал с седла, просто вытянул в сторону руку с автоматом и нажал на курок. Звук очереди прозвучал сухо, зато пули защелкали так, что эхо забилося в скалах. Лязгнул затвор, оповещая, что в автомате кончились патроны, и тут же Арин, привстав, метнула второй снаряд.

Бросок вышел не таким точным, как первый, но получить тяжелый булыжник в грудь хоть и лучше, чем в лоб, но все равно удовольствие маленькое. Водитель второго квадроцикла схватился руками за проломленную грудину и с хрипом повалился на руль. Все это время зажатый в обломках раздавленного вездехода охотник верещал, как раненый заяц, на высокой ноте, не переставая. Вопль был непрерывным, и Шагровский успел подумать, что не понимает, когда раненый успевает набрать воздух в легкие. Так без передышки могла бы реветь сирена воздушной тревоги, но не живой человек.

Первый квадроцикл, водитель которого вылетел из седла, словно рыцарь, получивший копьем в забрало, остался без управления и, наехав на бугор, опрокинулся на бок. Его головной свет, мазнув по небу, уперся аккурат в скалу в форме «V», за которой притаилась Арин, и поэтому стрелок-пассажир из экипажа номер два заметил ее в момент следующего броска.

Он как раз успел перезарядить автомат, и очередь из «узи» не дала девушке возможности метко метнуть булыжник. Камень попал в скалу справа от стрелка и срикошетировал в темноту. Валентин прыгнул вниз, понимая, что, несмотря на растерянность, профессионал сейчас прижмет Арин огнем к земле, а потом, подойдя ближе, спокойно расстреляет.

Прыжок получился – благо фары и луна давали возможность все рассмотреть и примериться. Ошибка в полметра привела бы Шагровского минимум в инвалидное кресло, а в данной ситуации – прямо в морг, если бы кто-то нашел тела до того, как шакалы обглодают кости дочиста. Но дуракам и новичкам везет.

Шагровский приземлился двумя ногами на покатый бок скалы тремя метрами ниже, а не в расселину, уходившую направо, заскользил по гладкому камню, опрокидываясь на спину. Стрелок заметил его и пальнул из-под локтя короткой, на три патрона, очередью, но промазал. Пятки Валентина ударили в осыпь из мелкого гравия, инерция бросила тело вперед, и он рыбкой перелетел невысокий валун. Новая очередь разорвала воздух над самой его макушкой, но «почти попал» в бою не считается.

Шагровский, закрывая голову руками, неуклюже шлепнулся между двумя камнями и тут же с перепугу, шустро, словно тренированный десантник, откатился в сторону. Вовремя! Стрелок полил то место, где только что был Валентин, длинной, как раз до щелчка затвора, очередью.

Шагровский перепрыгнул через разделявший их валун, вернее, попытался перепрыгнуть, потому что прыгать вверх и вперед из положения «лежа» – весьма специфическое упражнение, если ты не из семейства кошачьих. Прыжок получился неуклюжим, коротким, и в результате Валентин тушкой распластался на верхушке валуна.

От противника его отделяло не более метра. Он видел лицо врага в отраженном свете фар во всех подробностях – хоть портрет пиши.

Европеец, едва за тридцать, круглоголовый блондин с залысинами на лбу, курносый, с вытаращенными от избытка адреналина глазами. Зубы блондина сверкали так, словно он только что вышел от дантиста. Это был оскал победителя: он уже вставил обойму в рукоять автомата и тянулся к затвору, чтобы дослать патрон в ствол. А Шагровский лежал перед ним, как бурсак на порке, в глупой позе, с растопыренными руками, задом вверх и дотянуться до врага не было никакой возможности – просто было не во что упереться!

Говорят, что перед лицом смерти человек способен мобилизовать все свои жизненные силы. Если бы Валентина попросили повторить прыжок, который он сделал, спасая свою и Арин жизни, то вторая попытка не получилась бы наверняка. Тело, по приказу испуганного мозга, собралось в пружину, и мышцы, едва не лопааясь от напряжения, метнули восемьдесят с лишним валентиновых килограммов вперед.

Дослать патрон в патронник стрелок успел, а вот направить ствол на Шагровского – нет. Валентин врезался в него в лучших традициях регби – плечом, слегка выставив локоть. Противник весил на десяток килограммов больше, но законы физики никто не отменял, и масса, умноженная на квадрат скорости, пусть даже и деленная на два, победила просто массу, находящуюся в положении относительного покоя.

Воздух из блондина вылетел весь и сразу, как из лопнувшего шарика.

Пролетев пару метров, Шагровский и его противник рухнули на землю. Затылок блондина встретился с препятствием, но не с камнем, что сразу бы поставило точку в поединке, а с гравием, острые грани которого вонзились в кожу, рассекая ее до кости. Курносый убийца взвыл, но сознания не потерял. Шагровский ударил его локтем, метя в скулу, но промазал, и стрелок, используя инерцию удара, спихнул Валентина в сторону и зашарил вокруг руками в поисках автомата.

Шагровский, не думая, пнул противника ногой и попал по касательной каблуком в колено блондина, но тут же схлопотал в ответ, только не по ноге, а в голову кулаком и вдогонку пяткой в раненый бок. Бок взорвался яркой вспышкой боли,

перед глазами закружились белые хлопья. Валентин увидел летящий из темноты кулак...

Через четверть секунды в голове у него ударили в колокол – раз, потом еще... Он попытался навести резкость и увидел, как блондин встает, с неуклюжим бруском «узи» в руках. Сзади него из-за камней показалась Арин, размахивающая пращей, но она не успевала, не могла успеть, потому что ствол автомата уже смотрел в живот Шагровскому...

А потом блондин упал ничком, выронив оружие. Камень, брошенный девушкой, ушел в темноту, Арин замерла в недоумении. По-прежнему захлебывался воплем раздавленный водитель, на холостых бухтели моторы квадроциклов, но Шагровскому показалось, что внезапно наступила тишина. Все еще не понимая, что произошло, Валентин на четвереньках метнулся к упавшему врагу, схватил лежащий в пыли автомат, рванул блондина за плечо...

Точно в основании шеи, на два пальца ниже кадыка курносого, торчала обрезиненная рукоятка ножа. Блондин был еще жив, но уже в агонии – изо рта толчками выплескивалась черная в искусственном свете кровь. Один глаз смотрел Валентину в лицо, а второй полуприкрылся веком, и под тонкой кожей быстро и страшно бродило глазное яблоко. Шагровский опустил автомат.

Откуда в горле у убийцы взялся нож?

Валентин медленно, не пытаясь встать, развернулся вокруг своей оси, держа взведенный «узи» у бедра.

Теперь он мог осмотреться.

По крайней мере, один из преследователей был еще жив – из-под смятых обломков квадроцикла, того самого, что попал под удар спущенного Шагровским с горы валуна, торчали под странным углом две ноги в десантных ботинках. Тело раненого, прижатое к скале, возвышалось над искореженным корпусом, и трудно было понять, как оно соединено с неподвижными ногами. Во всяком случае, у Валентина представить себе это не получилось.

Водитель первого квадроцикла, тот, кому Арин попала в голову, лежал навзничь, в той же позе, как упал. Шагровский видел его открытый глаз, мертвый, как

сухое дупло, и проваленный ударом лоб. Еще один из преследователей обнаружился в метре справа, точно между двух камней, в позе раздавленного жука. Он двигал конечностями, силясь если не подняться, то, по крайней мере, перевернуться на спину, чтобы не наваливаться всем весом на сломанную грудину, но ничего не получалось, и он тихо стонал, стараясь втянуть в легкие хоть немного воздуха.

Валентин подобрал его автомат – не «узи», а какой-то совсем незнакомый, странной формы, с прозрачным пластиковым прикладом, но неожиданно легкий и ухватистый. Его сразу же реквизировала оказавшаяся рядом Арин.

– Кто здесь? – крикнул в окружавший их сумрак Валентин. – Выходи! Стрелять буду!

И только через секунду сообразил, что кричать по-русски в центре Иудейской пустыни, по крайней мере, странно.

– Вот поэтому я и не выхожу, что будешь стрелять... – отозвался тоже по-русски знакомый голос, и Арин вскрикнула от радости. – Опустите-ка оружие, ребята!

Глава 6

Иудея. 30 год н. э. Капернаум

Если бы кто-то спросил меня, пошел бы я за ним снова, зная заранее, чем все кончится, я бы не колебался и не раздумывал ни одного мгновения – конечно же да!

Если бы меня спросили, почему – я ответил бы: «Не знаю». И не солгал бы, потому что я действительно не знаю. Как до сих пор не могу понять, почему рядом с ним оказался Шимон Кананит, [38 - Шимон (Симон) Кананит – один из учеников, а позже – апостолов Иешуа Га-Ноцри.] которого я знал под прозвищем Зелот? Он и был настоящим зелотом, одним из тех, кто стоял у руля общины ревностных, а такое прозвище нельзя получить, не испачкав руки чужой кровью по самые плечи! И именно он должен был, по идее, первым уйти от Иешуа,

поняв, что для того мечта об освобождении народа несовместима с мыслями о кровавом насилии. Но он остался и был с Иешуа до самого конца.

Что побудило мокэса[39 - Мокэс (иврит) – мытарь, сборщик податей.] Левия бен Матфея бросить прибыльное дело – сбор податей для Рима – и отправиться собирать души вместе с бродячим проповедником? Что ему быть ловцом человек, если для евреев он равно как убийца или распутный человек?

У каждого шедшего с ним от первого слова и до самого креста на вершине Лысого черепа были на то свои причины. Но что собрало их вместе до того, как этот парень из Галилеи пообещал им помощь Божью и скорое освобождение? Что привело каждого из Двенадцати в его круг? Не знаю. Не могу сказать. И никогда не узнаю. Даже самый глупый из нас был не настолько прост, чтобы рассказывать о своих тайнах вслух.

Теперь, когда стараниями Мириам, моего доброго друга Иосифа и моего заклятого врага, которого теперь называют только прозвищем, которое дал ему Иешуа, – Петра, имя Га-Ноцри все еще не забыли, я вижу, что не зря умер тогда. Права была Мириам, выбрав между мной и Петром, решение ее было справедливо и выверено. Из нас двоих именно я больше подходил на написанную древними пророками роль. Без тьмы не бывает света. О, она была мудра и смотрела далеко вперед – эта Мириам из Магдалы! По-настоящему мудра, так как бывает мудра глубоко чувствующая, любящая женщина. Когда женщина любит – она может быть слепа глазами, но все видит сердцем! И этот взгляд проникает куда как дальше, чем обычный. Конечно, Иосиф Аримафейский был умен и образован, и без его участия и помощи мы бы не сделали ничего, но без любви, преданности и самоотверженности Мириам, без ее интуиции и дара предвидения усилия Иосифа пропали бы все. И эта женщина выбрала меня, потому что к тому времени я уже был мертв дважды и, в общем-то, привык умирать. Выбрала меня – Тринадцатого, чужого, пришлого.

В первый раз я умер для своих родителей, потому что думал, что смогу превратиться в меч Божий и освободить нашу землю от гнета Рима. Клянусь именем Неназываемого – это был мой выбор, и я думал, что готов за него умереть. Он дался мне непросто, и я надеялся, что никогда более не буду его менять.

Как же я ошибался! Только в молодости мы верим в то, что избранный нами путь единственно верный. Стоит нам повзрослеть, и становится очевидным, что

перед нами бесконечное количество дорог и перекрестков. Все зависит от тех, кого мы встретим на этих тропах. Кто позовет нас за собой. За кем мы решим следовать по велению сердца или без причины. Или по поводу, который любой здравомыслящий человек посчитает ничтожным...

На втором жизненном перекрестке единственной причиной, заставившей меня бросить все, что я имел, все, во что я верил, была его улыбка.

Я помню день, когда впервые встретил его, так, как будто это было вчера, хотя тому прошло уже без малого сорок пять лет. Стояло жаркое лето, даже по ночам в Ершалаиме стало трудно дышать, и не было никакой надежды на то, что жара сойдет на нет до праздника Кущей.[40 - Суккот (иврит), Праздник кущей – один из основных праздников еврейского народа, начинается 15-го числа месяца тишри (осенью) и продолжается семь дней. В это время по традиции следует выходить из дома и жить в сукке (шатре, куще), вспоминая о блуждании евреев по Синайской пустыне (книга Исход). В 30 году н. э. суккот, по расчетам, приходился на середину октября.] Даже на берегу благословенного озера, далеко на север от пышущей, как раскаленная жаровня, Иудейской пустыни, можно было почувствовать себя цыпленком, которого пекут на угольях.

Дома Капернаума[41 - Капернаум, Кафарнаум, Кфар Нахум (иврит, букв. «городок Наума») – памятник истории в Израиле. В прошлом – город в Галилее (Северная Палестина) на берегу Тивериадского моря (сейчас – озеро Кинерет), библейское место. Упоминается в Новом Завете как родной город апостолов Петра, Андрея, Иоанна и Иакова; в Капернауме в синагоге проповедовал Иисус Христос.] подбирались вплотную к урезу воды, и, обойдя рыбацкие сети, развешенные для сушки, я омыл лицо и ноги в благословенном озере перед тем, как войти в город. Я думал искать нужного мне человека в синагоге, белое здание которой просматривалось среди яркой зелени чуть дальше по берегу, но, подняв голову после умывания, столкнулся с ним взглядом. Сам не знаю почему, но я узнал его сразу, хотя те, кто рассказывал мне о нем, описывали Иешуа по-разному, и каждое из этих описаний не было до конца точным. В нем не было ничего величественного: он не походил на героя ни ростом, ни статью. Скорее уж Га-Ноцри был хрупок сложением, хотя, глядя на него, было трудно усомниться в его силе, но это относилось более к свойствам внутренним, чем к внешним.

Иешуа был молод, пожалуй, что не старше меня, а, может быть, даже на пару лет младше – точнее с первого взгляда я не определил. Длинные волосы и

борода, совсем как у ессея,[42 - Ессеи, или кумраниты – одна из иудейских сект, получившая начало в первой четверти II в. до н. э.] скрывали истинный возраст достаточно надежно, хотя узкий кожаный ремешок, который он носил на голове по греческому обычаю, не давал волосам падать на лицо и открывал лоб. А лоб у Иешуа был высок и чист, как у ребенка, за исключением едва заметного шрама над правой бровью (по-видимому, оставшегося с детских лет) да неглубокой, чуть обозначившейся складки у переносицы. Он улыбался, и глаза у него тоже улыбались – темные, чуть навывкате. Он смешно морщил тонкий с горбинкой нос, и от глаз к вискам разбегались морщинки.

– Ты пришел посмотреть? – спросил он и замолчал в ожидании ответа, чуть склонив голову к плечу.

Потом я узнал, что он всегда так делал, а тогда из-за этой странной детской улыбки и птичьего наклона головы я в первый момент подумал, что передо мной блаженный.

Сопровождающие его люди держались чуть в отдалении, буквально в нескольких шагах за спиной Иешуа, стояли плотной группой, настороженные, чтобы не сказать враждебные по отношению к чужаку. Одним словом – галилеяне.

Пусть от Ершалаима до Галилейского озера[43 - Тивериадское озеро, или озеро Кинемрет (иврит, оно же Бахр-Табария, араб. Генисаретское озеро, Галилейское море) – озеро на северо-востоке Израиля. Побережье озера является одним из самых низких участков суши на Земле – 213 метров ниже уровня моря. Уровень воды подвержен изменениям в течение года в зависимости от осадков и потребления воды. Максимальная глубина – 45 метров. Площадь – в среднем 165 км². В Новом Завете фигурирует как Галилейское озеро.] дорога неблизкая, но я выглядел свежее, чем спутники Иешуа. Если судить по ногам и сандалиям, то не я, а эти люди совершили многодневный пеший переход. От жары на кетонете[44 - Кетонет – на древнееврейском – это рубаха из полотна. На угаритском это юбка, на египетском, арамейском, мандейском, арабском, эфиопском – полотно. На аккадском – льняная одежда. Из семитских языков слово было заимствовано в греческий (хитон) и в другие европейские языки (коттон).] здоровенного бородача, стоящего сразу за спиной Иешуа, выступили белые разводы пота.

– Я пришел послушать, – ответил я, чувствуя неловкость оттого, что меня разглядывает столько недружелюбных взглядов.

Мне казалось, что они видят не только спрятанный на поясе и прикрытый симлой[45 - Симла – иудейский вариант гиматия. Гиматий (греч.) – верхняя одежда в виде прямоугольного куска ткани; надевался обычно поверх хитона и у шеи иногда застегивался фибулой. Гиматий является древнегреческой одеждой, использовавшейся на востоке и во времена Византийской империи. Часто встречается на изображениях православных святых.] кинжал, но слышат мысли, которые роились у меня в голове, подобно встревоженным пчелам.

Я ведь шел сюда не только для того, чтобы услышать, чему учит Га-Ноцри. Я хотел поверить в него. Искренне хотел! Может быть, потому, что устал от собственной веры, которая давно превратилась в неверие. Может быть, потому, что устал жить без веры. Тогда, посередине жизненного пути, мне так хотелось сказать: «Безоговорочно верю в приход машиаха, и хоть он задерживается, я все же каждый день буду ждать его...» Но это было бы ложью. Я не ждал чуда, но в глубине души хотел его...

Разговоры о человеке, проповедующем в синагоге Капернаума, довольно давно велись в Ершалаиме. Среди простых евреев мало мистиков, если не считать нескольких равви, постигших смысл авраамовой «Сефер Йецира»,[46 - Сефер Йецира (Книга творения) – основополагающий текст в учении Каббала, авторство которого традиционно приписывают Аврааму (около 2000 года до н. э.). По другой версии, тот текст, который мы сегодня имеем, является более поздней компиляцией – III–IX вв. нашей эры. Наиболее раннее свидетельство о существовании Сефир Йецира в письменном виде относят 120 году н. э., предположительно она была записана рабби Акивой. Арье Каплан, написавший глубокий комментарий к Сефер Йецира, утверждал, что первые комментарии на эту книгу были написаны в X в., а сам текст скорее всего датируется VI в. Ссылки на нее появляются в первом столетии, а давняя традиция ее использования свидетельствует, что она существовала даже в библейские времена. Эта книга настолько древняя, что тайна ее происхождения совершенно недоступна для историков.] но зато много тех, кто верует в чудеса. Стоило одному путнику принести весть о чудесных исцелениях, произошедших на берегах Генисарета, и по столице волной покотился шепоток: «Сбывается реченное пророком Исайей, сбывается... Сие прежде испей, – скорей сотвори, страна Завулонова, земля Неффалимова и прочий круг живущих у моря и по ту сторону Иордана, – Галилея род языческий возрадуется. Народ, блуждающий во тьме, увидит свет великий;

живущие в стороне и во мраке смертном! – и над вами Свет воссияет!»

«Машиах![47 - Машиах (иврит) – мессия. Мессимя (от ивр. Машимах; др. – греч. Христомс) – букв. «помазанник». Помазание особым маслом (елеем) было частью церемонии, проводившейся в древности при возведении царей на престол и посвящении священников в сан. В иудаизме слово «машиах» иносказательно означает «царь». Евреи верят, что идеальный царь, потомок царя Давида, будет послан Богом, чтобы осуществить «избавление» (духовное и (или) физическое) народа Израиля и спасение человечества. В христианской традиции используется также термин «Спаситель».] – шептали на базарах. И молодые девушки, и беззубые старухи уносили добрую весть домой, спрятанную в плетенных из лозы корзинах – между ароматными травами, зрелыми смоквами и влажноватым козьим сыром. – Машиах – спаситель!»

Слух полз по улицам, рынкам, площадям, плескался в купальнях и банях, проникал в богатые кварталы, шуршал по углам в домах бедняков...

«Машиах... Маших... Радуйся, Израиль!»

Из уст в уста, по большому секрету... Но так, что знают все – даже римская стража, которой дела нет до еврейских дел – лишь бы не бунтовали да не дрались! Знает и тайная служба первосвященников, шпионы которых были за каждым углом. Знает и тайная служба прокуратора, возглавляемая бессменным и бессмертным Афранием.

«Спаситель! Царь Иудейский! Он лечит расслабленных! Он судит по чести! Лепра боится рук его!»

«Рожденный от девы, в хлеву, вместе с ягненком, теленком и козленком! Хвостатая звезда возвестила его приход! Волхвы пришли поприветствовать его!»

Я помню мягкую усмешку матери Иешуа, прекрасноголосой Мириам, когда она слышала эту легенду.

«Он высок, как ливанский кедр! Он могуч, как царь Давид, и похож на него лицом!»

А ведь никто из ныне живущих не знает, каким был Давид. Мы ведь не рисуем портретов своих царей и героев, не создаем им статуй и барельефов, как греки, римляне или египтяне. Наша вера не дает нам изображать людей и животных – только орнаменты, чередование геометрических фигур и цветных полос.

Говорят, что когда римляне пришли в Иудею, то спросили у евреев: «Кого вы чтите более всего?» Евреи не назвали врагам имени Бога.

«Мы чтим Моисея и его Закон», – ответили они.

«Хорошо! – сказали римляне. – Пусть будет Моисей!» И поставили в Пантеоне статую Моисея.

Весть о том, что в Риме среди языческих идолов появилась статуя самого Моисея, всколыхнула страну и едва не привела к бунту, и тогда римляне сами ее убрали подальше от греха. Только в недоумении пожали плечами: «Странный народ эти иудеи!»

Им никогда не понять нас.

Когда Пилат внес в Ершалаим щиты и орлы легионов, многие десятки людей умерли, а тысячи были готовы умереть от римского железа, чтобы город не был осквернен. Мы не могли смириться с тем, что на наших стенах будут висеть лики чужого императора, но готовы были смириться с его владычеством – только бы не нарушали наш Закон. С нами можно делать все – распинать, бичевать, жечь живьем, топить в море, но мы не перестанем ждать машиаха. Без него мы не мыслим освобождения! И мы истово верим, что он придет и все сделает для нас. Эта вера рождается вместе с нами и вместе с нами умирает. Ведь почти семьсот лет эта земля, некогда полная мудрецов и чудес, не дарила нам пророка!

Исайя, Захария, Даниил... Три пророка, три пророчества, через столетия вылепившие судьбу моего народа, как гончар лепит кувшин. Но печь оказалась слишком горяча, и сосуд лопнул, вместо того чтобы стать твердым, как камень. Даже сейчас, когда моя память смотрит в ту осень через пропасть глубиной почти в полусотню лет, я помню, КАК хотел в него поверить! И все сбылось, как было предсказано. Нет ни Ершалаима, ни Храма, ни Капернаума. Я пишу эти строки среди осколков царства, которые уже не склеить воедино. Мы рассеяны, побеждены, отовсюду изгнаны. Нас почти нет, но все-таки мы есть, и я знаю, что

рано или поздно мы вернемся на эту землю, чтобы снова построить Храм.

Если бы пророком был я, то сказал бы, что началось время скитаний. Это надолго, но не навсегда. Но я не пророк, я сын александрийского еврея-банкира, я бывший сикарий, бывший моряк, бывший торговец, бывший казначей бродячего проповедника, который все-таки оказался машиахом, просто не совсем таким, какого все эти годы ждали. Он не скакал на белом коне, не разил врагов сталью. Думаю, он никого за всю свою жизнь не убил. Его оружием было слово и вера в то, что одной веры достаточно для победы.

Но он ошибся.

Я пишу эту рукопись для себя, не для потомков: кто поверит мертвому предателю? Пишу не на хибру, не на арамейском – на греческом, чтобы никто не смог прочесть ни строчки через мое плечо. И свиток этот ляжет в могилу вместе со мной, чтобы люди, о которых я вспомнил, скрасили мое одиночество. Во мне нет страха смерти – я просто вернусь домой. А вот одиночество меня пугает, как никогда не пугало при жизни. Но довольно писать о небытие – оно неизбежно и пусть с ним!

А в тот день, когда я впервые увидел его – худого, нескладного, с лучистыми радостными глазами и этой открытой детской улыбкой, думать о смерти было бы смертным грехом. Он шагнул ко мне, и я понял, почему на его проповеди собираются тысячи народа. Есть люди, которых можно или любить, или ненавидеть, но нельзя было оставаться к ним равнодушным.

Га-Ноцри был из таких.

– Если пришел слушать – слушай, – произнес он. – Меня зовут Иешуа, и я рад всем приходящим. Как твое имя?

– Иегуда.

– Кто твой отец?

Я пожал плечами.

– А твой?

Он снова улыбнулся.

– Моего отца звали Иосиф. Это не секрет. Он был немолод, когда я родился, и уже умер, но я любил его и помню о нем, да будет ему земля пухом!

– А я ушел из дома своего отца, когда он сказал, что не хочет знать меня...

– Но он остался твоим отцом, – возразил Иешуа мягко и сделал шаг в моем направлении. – Ведь так? И несмотря на обиду, ты о нем помнишь! Это не я тебе говорю, это кровь твоя говорит... Каким бы сыном ты ни был, твоя кровь не даст тебе забыть тех, кто дал тебе жизнь. Так почему ты стесняешься назвать имя?

Он сделал шаг, и, хоть я оставался неподвижен, люди, стоявшие за его спиной, качнулись вслед, а здоровяк в пропотевшем хитоне и вовсе оказался рядом, пытаюсь заступить Иешуа путь. Рука его скользнула по выгоревшей ткани жестом, который я не мог спутать ни с чем – так опытный в обращении с оружием человек нащупывает рукоять спрятанного ножа. Мне стоило огромного труда не обнажить клинок в ответ – есть вещи, которые ты делаешь вне твоего желания, потому что привык выживать. Например – отвечаешь ударом на удар. Или наносишь его первым – так проще и надежнее.

Но Иешуа стоял передо мной такой спокойный, доброжелательный и сильный именно этим своим доброжелательством, что рука моя, едва вздрогнув, осталась неподвижной.

– Мне нечего стесняться! – Я пожал плечами и, только начав говорить, понял, что впервые за очень долгое время (за очень долгое время, прости меня, мама!) называю родительское имя. – Родители мои были достойные люди! Мою мать звали Сарра, отца – Симон. Я не видел их тринадцать лет... Отец был богатым человеком и владел частью большого торгового предприятия в Александрии. Но с тех пор, как я ушел, мне ничего о них неизвестно.

Это было правдой, но не совсем... Много раз, когда извилистые дорожки моей жизни направляли меня в сторону Александрии Египетской, я нарочно уходил в другую сторону. Много раз, когда мне встречались люди, которые могли бы принести весть о родителях, я специально избегал их общества, чтобы не задать

вопросов и не получить ответов.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

ПНВ – прибор ночного видения.

2

Гвиль (иврит) – название пергамента у евреев с древности до наших дней. Пергаммент (от греч. пергам) – материал для письма из недублёной кожи животных (до изобретения бумаги). Так же называли и древнюю рукопись на таком материале.

3

Йофи (иврит) – хорошо, замечательно.

4

Иродово гнездо – крепость Мецада построена в конце I века до н. э. иудейским царем Иродом Великим как персональное убежище для семьи. Именно здесь царь Ирод скрывался в то время, когда ему и его семье грозила опасность. Крепость была практически неприступна, имела огромные запасы продовольствия и уникальную водозаборную систему, позволяющую хранить и возобновлять запасы воды. В архитектурный комплекс входили не только фортификационные сооружения, но и личные дворцы Ирода, построенные со вкусом и размахом.

5

Сикарии – радикальное крыло течения зелотов (зелоты – см. ниже).

6

Сика – очень острый кинжал, излюбленное оружие сикариев, которых и называли так, по имени этого оружия.

7

Скайп – популярная компьютерная программа, с помощью которой осуществляются разговоры и передача видеоизображений по интернет-линиям.

8

Пунелэ (идиш) – толстячок, пухленький.

9

Адише (идиш) – еврейская, еврейский.

10

Манцы (идиш) – сказки, небылицы.

11

Нецке – миниатюрная японская скульптура, представляющая собой резной брелок.

12

Генерал Игаэль Ядин – легендарный военный и политический деятель государства Израиль, начальник генерального штаба ЦАХАЛа, после отставки – археолог, прославившийся фундаментальными открытиями в своей области, автор научных трудов о свитках Мертвого моря, руководитель раскопок в крепости Мецада.

13

Питер О'Тул (род. 1932 г.) – британский актер ирландского происхождения. Неоднократно номинировался на «Оскар». Прославился исполнением роли Лоренса Аравийского в одноименном фильме. Сыграл Флавия Сильву в фильме «Мецада» (1982).

14

Трекер – специальный сетевой сервер, служащий для хранения информации, например, музыкальных композиций или фильмов, предназначенных для скачивания.

15

Хумус – закуска из нутового пюре, в состав которого обычно могут входить: оливковое масло, чеснок, сок лимона, паприка, сезамовая паста (тахини). В арабском языке и ивритском сленге «хуммус» означает просто нут. Хумус особенно популярен на Среднем и Ближнем Востоке, в том числе в таких странах, как Израиль, Иордания, Ливан, Сирия, Турция, Кипр, Греция.

16

Кошерная пища – еда, отвечающая требованиям кашрута – еврейских законов об употреблении пищи («кашрут» означает пригодность к употреблению в пищу). Основные предписания, касающиеся кашрута, даются в Пятикнижии.

17

Пкак (иврит) – пробка. Этим словом обозначают и автомобильную и бутылочную пробку.

18

Ирод Великий – идумеянин, сын Антипатра, римского прокуратора Иудеи. Царь Иудеи (40–4 гг. до н. э.), основатель идумейской династии Иродиадов. Постепенно превратился в жестокого и кровожадного деспота, который беспощадно истреблял всех и всё, в чем только его подозрительный взгляд видел признак крамолы. Так, он истребил почти весь дом Хасмонеев как потомков законных правителей еврейского народа и не остановился даже перед умерщвлением Мариамны, хотя она была самой любимой из его десяти жен.

19

Магнитометр – прибор для измерения характеристик магнитного поля и магнитных свойств веществ (магнитных материалов), используется археологами для подземной разведки по методу обнаружения магнитных аномалий.

20

Название «мина» происходит, скорее всего, от en mine – подкоп (сначала для обрушения стен крепостей применяли подкопы, впоследствии, с изобретением пороха – подкопы с заложённой взрывчаткой). Здесь имеется в виду поиск старых подкопов, неисследованных полостей внутри горы.

21

Кумранские рукописи – название манускриптов, обнаруженных, начиная с 1947 года, в пещерах Кумрана, в пещерах вади Мурабба'ат (к югу от Кумрана), в Хирбет-Мирде (к юго-западу от Кумрана), а также в ряде других пещер Иудейской пустыни и в Мецаде (Массаде).

22

Профессор Кац имеет в виду мечети, построенные на Храмовой горе во время царствования династии Омейядов, и храм Рождества Христова, расположенный на арабских территориях, в Вифлееме (Бет-Лехеме), построенный в 325 году н. э.

23

Ма пит'Ом (иврит) – Чего вдруг? С какой стати?

24

Эйн ма лясОт (иврит) – Ничего не поделаешь!

25

День Марса – римское наименование вторника Dies Martis.

26

День Меркурия – римское наименование среды Dies Mercuri.

27

День Юпитера – римское наименование четверга Dies Jovis.

28

Хасмонеи (ивр. Хашмонаим) – священнический род из поселения Модии́н (которое располагалось на границе Иудеи и Самарии), к которому принадлежали Маккавеи. Потомки Хасмонеев правили Иудеей с 152 по 37 до н. э. Фактически они были вождями народа с начала восстания против Селевкидской Сирии в 167 году до н. э.

29

Кумран – область на западном побережье Мертвого моря, где некогда существовало поселение ессеев (см. ессеи). Стало широко известно после нахождения в пещерах неподалеку пергаментов с древними рукописями, относящимися к I веку н. э.

30

Шимон (Симон) бен Гиора – один из вождей повстанцев, предводитель простонародья известен как победитель войск Цестия Галла, направленного на усмирение восстания в Иудее. Впоследствии был привезен в Рим вместе с Иоанном Гискальским (еще одним вождем повстанцев, но возглавлявшим

другую партию, партию образованных людей), после триумфа сына Веспасиана Тита, казнен. Иоанн Гискальский был брошен в тюрьму, где и умер. Третьим вождем восстания, предводителем священнической партии, был Элезар бен Яир, руководивший гарнизоном Мецады.

31

Миква (в ашкеназских диалектах – Миквэ, ивр. – миквам или миквем, букв. «скопление [воды]») – водный резервуар для омовения (твила) с целью очищения от ритуальной нечистоты. Миква представляет собой резервуар около 100 м

. Бассейн два на три метра.

32

Эйн-Геди – оазис в ущелье Нахаль-Давид, по преданию здесь Давид скрывался от преследования царя Саула, здесь же располагалась знаменитая на весь Древний мир плантация бальзамовых деревьев, из ветвей и листьев которых производили бальзам «афарсемон» или «опобальзамон», ценящийся на вес золота. Право на его производство было даровано Римом Ироду Великому. По свидетельству Йосифа Флавия, в конце Второго Иудейского восстания, оазис был разграблен zelotami из числа защитников Мецады, все его жители, числом 800, включая женщин и детей, убиты.

33

Дунам (от тур. dцпът) – единица измерения площади, служащая для измерения площади земельных участков в странах, находившихся в прошлом под властью Османской империи: Израиль, Турция, Ливан, Сирия, Иордания, Ирак, Северный Кипр, Ливия, а также в странах бывшей Югославии. Метрический дунам,

используемый сейчас в Израиле, Ливане, Иордании и Турции, равен 1000 м?.

34

Геена – долина Енном, овраг к юго-востоку от Иерусалима, где совершались языческие обряды с поклонением Молоху и принесением человеческих жертв. Позднее это место было проклято и превращено в свалку мусора и непогребённых трупов, где постоянно горели огни, уничтожавшие гниение. Позже, в религиозной христианской мифологии – место, где по религиозным представлениям души грешников после их смерти подвергаются вечным мукам, – перен. источник мучений, страданий.

35

Береника – правнучка царя Ирода Великого, дочь израильского царя Агриппы I и любовница римского императора Тита Веспасиана.

36

Даманы, жиряки (лат. Hyracoidea) – небольшие, коренастые, травоядные млекопитающие, насчитывающие четыре вида. Обитают в Африке и на Среднем Востоке. Несмотря на заурядную внешность современных даманов, они имеют далекое доисторическое происхождение. Даманы, возможно, ближайšie родственники современных слонов.

37

Сгукко – имитация мрамора, толстый слой штукатурки, обработанной особым образом.

38

Шимон (Симон) Кананит – один из учеников, а позже – апостолов Иешуа Га-Ноцри.

39

Мокэс (иврит) – мытарь, сборщик податей.

40

Суккот (иврит), Праздник кущей – один из основных праздников еврейского народа, начинается 15-го числа месяца тишри (осенью) и продолжается семь дней. В это время по традиции следует выходить из дома и жить в сукке (шатре, куще), вспоминая о блуждании евреев по Синайской пустыне (книга Исход). В 30 году н. э. суккот, по расчетам, приходился на середину октября.

41

Капернаум, Кафарнаум, Кфар Нахум (иврит, букв. «городок Наума») – памятник истории в Израиле. В прошлом – город в Галилее (Северная Палестина) на берегу Тивериадского моря (сейчас – озеро Кинерет), библейское место. Упоминается в Новом Завете как родной город апостолов Петра, Андрея, Иоанна и Иакова; в Капернауме в синагоге проповедовал Иисус Христос.

42

Ессеи, или кумраниты – одна из иудейских сект, получившая начало в первой четверти II в. до н. э.

43

Тивериадское озеро, или озеро Кинемрет (иврит, оно же Бахр-Табария, араб. Генисаретское озеро, Галилейское море) – озеро на северо-востоке Израиля. Побережье озера является одним из самых низких участков суши на Земле – 213 метров ниже уровня моря. Уровень воды подвержен изменениям в течение года в зависимости от осадков и потребления воды. Максимальная глубина – 45 метров. Площадь – в среднем 165 км². В Новом Завете фигурирует как Галилейское озеро.

44

Кетонет – на древнееврейском – это рубаха из полотна. На угаритском это юбка, на египетском, арамейском, мандейском, арабском, эфиопском – полотно. На аккадском – льняная одежда. Из семитских языков слово было заимствовано в греческий (хитон) и в другие европейские языки (коттон).

45

Симла – иудейский вариант гиматия. Гиматий (греч.) – верхняя одежда в виде прямоугольного куска ткани; надевался обычно поверх хитона и у шеи иногда застегивался фибулой. Гиматий является древнегреческой одеждой, использовавшейся на востоке и во времена Византийской империи. Часто

встречается на изображениях православных святых.

46

Сефер Йецира (Книга творения) – основополагающий текст в учении Каббала, авторство которого традиционно приписывают Аврааму (около 2000 года до н. э.). По другой версии, тот текст, который мы сегодня имеем, является более поздней компиляцией – III–IX вв. нашей эры. Наиболее раннее свидетельство о существовании Сефир Йецира в письменном виде относят к 120 году н. э., предположительно она была записана рабби Акивой. Арье Каплан, написавший глубокий комментарий к Сефер Йецира, утверждал, что первые комментарии на эту книгу были написаны в X в., а сам текст скорее всего датируется VI в. Ссылки на нее появляются в первом столетии, а давняя традиция ее использования свидетельствует, что она существовала даже в библейские времена. Эта книга настолько древняя, что тайна ее происхождения совершенно недоступна для историков.

47

Машиах (иврит) – мессия. Мессия (от ивр. Машимах; др. – греч. Христомс) – букв. «помазанник». Помазание особым маслом (елеем) было частью церемонии, проводившейся в древности при возведении царей на престол и посвящении священников в сан. В иудаизме слово «машиах» иносказательно означает «царь». Евреи верят, что идеальный царь, потомок царя Давида, будет послан Богом, чтобы осуществить «избавление» (духовное и (или) физическое) народа Израиля и спасение человечества. В христианской традиции используется также термин «Спаситель».

Купить: https://tellnovel.com/ru/valetov_yan/hroniki-proklyatogo

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)